

Некоторые войны ведутся не на фронте, а в людских сердцах.

ВОЙНА, в которой я ПОБЕДИЛА

КИМБЕРЛИ
БРУБЭЙКЕР БРЭДЛИ

Продолжение книги «Война, которая спасла мне жизнь»
Бестселлер №1 New York Times

Война Ады. Книги, покоряющие сердца

Кимберли Брубэйкер Брэдли
Война, в которой я победила

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

Брубэйкер Брэдли К.

Война, в которой я победила / К. Брубэйкер Брэдли — «Эксмо»,
2017 — (Война Ады. Книги, покоряющие сердца)

ISBN 978-5-04-160151-5

Теперь у Ады есть настоящая любящая семья, и ей, похоже, могут вылечить покалеченную ногу, из-за которой родная мать всегда считала её ничтожеством. Но кто она теперь? Она не дочь, ведь у неё нет матери, она больше не калека и не изгой, она не эвакуированный ребёнок из разбомблённого Лондона, да и вроде не сирота даже, ведь у неё есть опекун... Как найти себя, когда в мире бушует война, люди появляются в жизни и исчезают, а тот, на кого она только-только позволила себе положиться, может тоже её оставить – и на этот раз навсегда? Ещё немало сражений ждёт Аду, пусть она никогда не бывала на фронте. Хватит ли у неё отваги и силы выстоять в этой войне?

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-160151-5

© Брубэйкер Брэдли К., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Кимберли Брубэйкер Брэдли

Война, в которой я победила

Глава 1

Можно знать наверняка – а всё же не верить до последнего.

– Ада! Тебе надо попить! – зудит над ухом Сьюзан. В руки мне настойчиво пихают кружку с холодным чаем.

– Но я не хочу, – говорю я. – Правда не хочу.

Сьюзан силком сгибает мне пальцы на кружке и приговаривает:

– Понимаю. Но пожалуйста, попей. Больше тебе возможности не дадут. Утром будешь маяться от жажды.

Дело в том, что правая нога у меня была тогда вывернута на сторону. И всегда была вывернута, с самого рождения. Кости и сустав в лодыжке выросли кривыми: тыльной стороной стопа касается земли, а подошва смотрит наверх. Ходить больно адски. Снизу, конечно, наросла костная мозоль, но кожа на ней постоянно лопается, и ссадина кровоточит.

Тот разговор в больнице был почти три года назад, 16 сентября 1940 года. В понедельник. Вот уже чуть больше года Гитлер воевал против почти всего мира. А в мои одиннадцать лет весь мир воевал против меня.

Буквально на следующий день врачи должны были раздробить мне кривые косточки в лодыжке и пересобрать их заново, в надежде получить что-то, хоть отдалённо напоминающее нормальную ногу.

Я поднесла кружку с чаем, отхлебнула через силу. Глотка сомкнулась наглухо. Я поперхнулась чаем, забрызгала постель и поднос.

Сьюзан вздохнула. Вытерла пролитый чай, махнула рукой медсестре, которая ставила маскировку на окна, чтобы та подошла и забрала поднос.

С самого начала войны мы каждый вечер ставили на окна светомаскировку, чтобы немецкие бомбардировщики не могли ориентироваться сверху по огням. Больница, конечно, была не в Лондоне, который что ни ночь, то бомбили, но и мы вполне могли попасть под обстрел. От немцев можно было ждать чего угодно.

– Мэм, вам письмо, – сказала медсестра, махом сгребая поднос, и протянула Сьюзан конверт.

– Прямо в больницу доставили? Странно, – пробормотала Сьюзан и вскрыла конверт. – Это от леди Тортон, – сообщила она, разворачивая листок. – Наверное, послала до того, как получила адрес пансионата. Ада, ты точно не хочешь чего-нибудь перекусить? Может, тостик?

Я покачала головой. Глоток чая, который я таки осилила, и тот взбунтовался в желудке.

– Кажется, меня тошнит.

Сьюзан охнула, оторвалась от письма, выхватила с нижней полки прикроватной тумбочки тазик и подсунула мне под подбородок. В твёрдом намерении сдержать всё в себе, я стиснула зубы.

Рука Сьюзан дрогнула, дрогнул и тазик. Я заглянула ей в лицо – белое, как полотно, глаза как будто больше и темнее.

– Что случилось? Что в письме? – спрашиваю.

– Ничего, – отмахнулась Сьюзан. – Дыши глубже. Вот так. – Убрала тазик, сложила письмо леди Тортон и спрятала в сумочку.

Но что-то случилось. У неё на лице написано.

– Что-то с Коржиком?

– А?

Коржик был соловый пони Сьюзан, я его просто обожала. На то время, пока я лежала в больнице, мы поставили Коржика в конюшню леди Тортон.

– А, да нет, – бормочет Сьюзан. – Точнее, насчёт Коржика леди Тортон ничего не сообщает, но если что, она бы написала.

– Мэгги? – Мэгги была дочь леди Тортон и мой лучший друг на свете.

– С Мэгги полный порядок, – отвечает Сьюзан. А руки ещё подрагивают, и глаза не на месте. – Со всеми полный порядок.

– И с Джейми, – говорю. Уже не спрашиваю, а прямо говорю, потому так оно просто обязательно быть. Мы не стали оставлять Джейми, моего братика, в городе, а взяли с собой, и на время операции Сьюзан вместе с ним и его котом Боврилом разместились в съёмной комнатке в пансионате при больнице. В тот день Джейми оставался там под присмотром хозяйки пансионата.

Джейми тогда было шесть. Раньше мы думали, что ему семь, но теперь у нас на руках было его свидетельство о рождении, а в нём говорилось, что нет, не совсем, до семи не дотягивает.

Мне было одиннадцать. Моё свидетельство тоже с недавних пор хранилось у нас. Когда у меня день рождения на самом деле, я узнала всего за неделю до того случая в больнице.

– Да, и с Джейми всё в порядке, – кивает Сьюзан.

Я вдыхаю поглубже и спрашиваю:

– Моей операции точно ничего не мешает?

Вплоть до той недели, когда мама чуть не отобрала нас обратно, Сьюзан говорила, что не имеет права одобрить мне операцию. Собственно, она и сейчас не имела, только теперь ей было всё равно. Как она объяснила, иногда надо поступать по совести, а не по закону. Мне нужна была операция, и я должна была её получить.

Лишних вопросов я не задавала.

Сьюзан пригладила мне волосы, убрала их со лба. Я отстранилась.

– Я не дам ничему помешать, – говорит она.

Что-то всё-таки не то в её голосе, в её выражении лица. Ясное дело, из-за письма леди Тортон. Леди Тортон любого может выбить из колеи. Когда я впервые увидела её и ещё не знала по имени, то про себя называла не иначе как «суровой командиршей». Она любила сделать каменное лицо, а говорила, как ножом резала.

Но сюда она к нам не сунется, это я знала. Что было в доме Сьюзан, мы потеряли, но зато сама Сьюзан, Джейми, Боврил и Коржик у меня остались. А завтра ещё операцию сделают. Чего ещё желать?

Можно знать наверняка – а всё же не верить до последнего.

Чуть больше года назад в однокомнатной квартирке у мамы в Лондоне я выучилась ходить. Я долго держала это в тайне, знай только вытирала к маминому приходу кровавые пятна. Мне всего-то и хотелось – побывать за пределами нашей квартиры, не то что города, однако умение ходить меня спасло. Когда из-за гитлеровских бомбёжек мама отослала Джейми прочь из Лондона вместе с остальными детьми, я тоже улизнула. Так мы оказались в приморском городочке в Кенте, со Сьюзан и Коржиком.

Вначале Сьюзан нас не хотела. Мы её тоже не хотели, но я хотела её лошадку, и вдобавок нам обоим нравилась её еда. В конечном счёте мы все трое друг к другу притёрлись и уже не хотели расставаться. Тут-то, конечно, за нами и явилась мама – неделю, стало быть, назад. Но Сьюзан решила бороться за нас и поехала следом в Лондон. Так и получилось, что в ту ночь, когда немецкие бомбардировщики разнесли её дом в щепки, никого из нас в нём не было. Выходит, самое большое несчастье – мамин приезд – обернулось для нас самым большим счастьем – спасением жизни.

Теперь все вокруг делали вид, точно моя завтрашняя операция – это ещё большее счастье, что заставляло меня беспокоиться, как бы она не обернулась полным провалом. Сюзан говорила, что провалиться операция не может и что нога, надо думать, заработает как надо, но даже если нет – всё со мной, мол, будет в порядке. Со мной якобы и так всё в порядке, и после операции тоже будет, чем бы дело ни кончилось.

Ну, может, и так.

Зависит целиком и полностью от того, что иметь в виду под «порядком».

Вокруг бушевала война. Медсёстры уверяли, что если дадут воздушную тревогу, они успеют перевести всех пациентов больницы из палат в подвал. Но пока ни разу не приходилось, так что успеют или не успеют – этого на деле никто не знал.

Сюзан наклонилась ко мне. Обняла. Вышло неловко, и для меня, и для неё. Я выдохнула. В животе по-прежнему бурлило.

– Не волнуйся, – сказала Сюзан. – Утром я опять к тебе приду. А сейчас ложись поспи.

Спать я не могла, но ночь как-то всё-таки пролетела. Утром пришла Сюзан. Она держала мою руку, пока медсестра катила меня на койке по коридору. Когда мы остановились перед тяжёлой белой дверью, медсестра сказала Сюзан:

– Дальше вам нельзя.

Только тут я поняла, что Сюзан рядом не будет. И вцепилась в неё.

– Что, если не выйдет?

Она сжала мои пальцы в своих на мгновение.

– Храбрей, – проговорила она. И отпустила.

В операционной меня ждал человек в длинном халате и с маской в руках. Он поднёс маску к моему лицу и сказал:

– Когда надену, начинай медленно считать до десяти.

Я протянула до четырёх – и провалилась в сон.

Отходить от эфира оказалось тяжелее. Правая нога зажата, её пригвоздили к месту, не дают сдвинуться. Я пытаюсь высвободиться, бьюсь что есть сил, пот льётся градом. Меня накрывает бомбёжкой, я под завалом. Ногу не сдвинуть. И вдруг я каким-то образом опять в сыром шкафчике под раковиной, в Лондоне, в нашей старой квартирке. Меня заперла в нём мама. Тараканы уже...

– Ш-ш, – мягко прошелестел у меня в ушах шёпот Сюзан. – Успокойся, всё позади. Всё хорошо.

Ничего не хорошо, что может быть хорошего там, в этом шкафчике под раковиной, дома у мамы...

Руки тоже пригвоздили. Сверху накинули одеяло и подоткнули по бокам.

– Открой глазки, – звучит мягкий голос Сюзан. – Операция кончилась.

Я открываю глаза. Из мешанины цветных пятен проступает лицо Сюзан.

– Тебе ничего не угрожает.

Я тяжело глотаю слюну.

– Врёшь.

– Нет, не вру.

– Не могу ногой пошевелить. Правой. Которая кривая...

– Нет у тебя никакой кривой ноги, – говорит Сюзан. – Больше нет.

Как следует проснулась я уже глубокой ночью. Кровать окружали ширмы, за ними горел тусклый свет.

– Сюзан? – шёпотом позвала я.

Ко мне подошла ночная сиделка.

– Пить? – спрашивает.

Киваю. Она наливает воды. Пью.

– Сильно болит?

Теперь припоминаю. После операции на правую ногу наложили гипс, поэтому-то я и не могла ею пошевелить. В лодыжке под гипсом ноет тупая боль, пронизывает ногу до колени.

– Не знаю, – говорю. – Она всегда болит.

– Терпеть можешь?

Я киваю. Стерпеть я могла бы, наверно, всё что угодно.

Сестра улыбается.

– Оно и вижу. Мамка твоя тоже сказала, что ты девка крепкая. – Протягивает мне таблетку. – Нат-ко, выпей вот.

– Сюзан мне не мама. – И слава богу. Глотаю таблетку, засыпаю.

Когда я снова проснулась, прямо надо мной нависало лицо Джейми. Волосы всклокоченные, точно неделю не расчёсывался, глаза красные, опухшие. Плачет. Я рывком села в испуге.

– Что? – спрашиваю.

Джейми плюх! Мне на кровать. Прямо на гипс. Я аж скривилась.

– Так, полегче, – говорит ему Сюзан и за плечи оттягивает.

А Джейми ко мне прильнул, лицом в меня зарывается.

Я его обнимаю, поверх его головы на Сюзан смотрю.

– Что? Скажи же.

– В письме, – говорит Сюзан, – что вот от леди Тортон пришло, в нём сообщается...

Я киваю. Так и знала, письмо, всё в том письме.

Джейми как взвояет:

– Мама умерла!

Можно знать наверняка – а всё же не верить до последнего.

Глава 2

Я знала, что мама... наша мать работала в Лондоне в ночную смену на военном производстве. Я знала, что Лондон бомбят, бомбят жестоко, всякую ночь – опустошающие налёты, один за другим. Я знала, что в первую очередь немцы атакуют заводы, в особенности те, что работают на нужды фронта. Мне и самой случилось однажды попасть под бомбёжку. Кирпичные стены разлетались на кусочки прямо над головой. А позже по улицам мело разбитым стеклом, точно позёмкой.

Выходит, я знала, что мама может погибнуть. Я просто не верила. Даже пусть и бомбёжки. Мне как-то казалось: мама, она вечная.

Мне казалось, мы с Джейми никогда от неё и не освободимся.

Я обняла Джейми. Он зарыдал и опять бухнулся мне на ногу. Я еле сдержалась, чтобы не вскрикнуть.

Сьюзан просунула Джейми под живот подушку и облокотилась на край кровати. Погладила Джейми по спине.

– Это правда? – спросила я.

– Правда, – подтвердила Сьюзан.

– Прямо, по-настоящему?

– Мне очень жаль.

– Жаль? Уверена? – спросила я.

А было ли мне жаль? Как-то казалось, что да. Да было ли? Мама же меня ненавидела.

«Ты нас больше никогда не увидишь», – сказала я ей тогда, в Лондоне, неделю назад. И она ещё уточнила, мол, точно?

Выходит, что точно.

– Ну, счастливым такое разрешение дела не назовёшь, – проговорила Сьюзан. – Пожалуй, могло быть и хуже, но и так тоже несчастье, а поэтому да, мне жаль. Хорошо, конечно, что разрешилось хоть как-то. Теперь ведь ваша мама не сможет вам навредить.

– Теперь не сможет, – подтвердила я. Даже не знаю, могло ли у нас с мамой разрешиться счастливо. Всегда хотелось верить, что да – оно и понятно, всё-таки мать, – но до конца как-то не верилось. Я повернулась к Джейми. – А ты чего плачешь? Мама нас ненавидела. Она сама так сказала.

Джейми всхлипнул ещё громче.

– Я её любил, – проныл он.

Джейми – он добрее меня. И маму он, наверное, в самом деле любил. А я не любила. Хотелось бы, но нет. Больше всего на свете хотелось бы, чтобы она меня любила. Но нет.

Я снова подняла глаза на Сьюзан.

– Что мне положено сейчас чувствовать?

Наверно, нормальная дочь чувствовала бы горе. Но теперь, когда мама умерла, я больше не была никому дочерью.

И никакого горя не чувствовала. Да и счастья особого тоже. Или злости. Вообще ничего. Сьюзан протянула ко мне руку поверх узенькой спинки Джейми и сжала мою ладонь.

– Что само чувствуется, то и хорошо.

– А как назвать, когда ничего не чувствуется?

– Потрясением, – ответила Сьюзан. – Когда я узнала, что моя мать умерла, я тоже испытала потрясение.

Я уставилась на неё.

– А когда твоя мама умерла?

– Несколько лет назад. За пару-тройку месяцев до Бекки.

Бекки, лучшая подруга Сьюзан, умерла от пневмонии за три года до начала войны. Это мне было известно. Сьюзан и Бекки жили вместе, и дом Сьюзан, который на днях разбомбило, изначально принадлежал Бекки. Она же подарила Сьюзан Коржика.

– Обе смерти стали для меня тяжёлым испытанием, – продолжала Сьюзан. – Чувства по поводу маминой были особенно сложными.

Я отпустила её руку и спросила:

– А как про нашу маму узнала леди Тортон? – Вплоть до прошлой недели мы целый год ни словечка от мамы не слышали, несмотря на все наши письма, Сьюзан и мои. Пока она собственной персоной не явилась к нам и не утащила нас с Джейми обратно в Лондон.

– Я ведь сообщила в Добровольческую службу её новый адрес, – ответила Сьюзан, – и одна из наших лондонских ячеек вышла на леди Тортон. Видимо, они просматривают списки убитых.

Женская Добровольческая служба выполняла всякую военную работу. Сьюзан была её членом, входила в нашу местную ячейку. А леди Тортон этой ячейкой руководила и, в частности, несла ответственность за эвакуированных вроде нас с Джейми.

Сьюзан снова потянулась к моей руке, но я убрала ладонь. Джейми всё не прекращал рыдать. Мне хотелось его успокоить, но внутри было пусто. К тому же, что мы теперь такое, когда мамы больше нет? Можем ли мы оставаться у Сьюзан? Считаемся ли мы в эвакуации?

– Что теперь? – спросила я.

Сьюзан задумалась.

– Не знаю, – сказала она наконец. – Я спрошу у леди Тортон, как нам с этим разобраться.

Я молча хлопнула глазами.

Сердце ёкнуло.

Такого ответа я не ожидала.

Такого ответа я не хотела.

«Разобраться».

Уже само это слово было наполнено тревогой. А за ним так и нахлынуло – точно панический вал. И вот этим волнением меня захлестнуло, сбilo с ног.

Где я могла раньше слышать это слово?

Сьюзан не ответила, мол, ты не волнуйся. Не сказала: «Разумеется, вы останетесь жить у меня». Не сказала: «Я прослежу, чтобы вы не остались без присмотра».

А ведь в тот день, когда она спасла нас от мамы во второй раз, когда её дом разбомбило, она всё это сказала. Сказала, что мы останемся вместе, будем с ней навсегда.

И я ей поверила.

Врала, значит? Или со смертью мамы всё изменилось?

– Есть название для детей, – спросила я, – у которых родители умерли?

Сьюзан сглотнула.

– Сироты.

Сироты. Мы с Джейми теперь сироты, а не эвакуированные. И леди Тортон за нас больше не отвечает. Сьюзан нам больше не поможет. С сиротами другая история.

Грудь пронзила резкая боль. Похуже, чем любая косолапость – от ноги так больно никогда не было. Я сильнее сжала Джейми в объятиях. Что бы ни случилось, мы будем вместе. Никому не дам нас разлучить.

– Я скоро снова смогу ходить, – сказала я, – буду полезной.

Сьюзан опустила глаза.

– Восстановление займёт несколько месяцев, – проговорила она. – Сама же знаешь.

– Я упорная, – сказала я.

– Упорная, ещё какая, – подтвердила Сьюзан, – но упорством рану не залечишь. Не знаю вообще, выпустят ли тебя из больницы, если вдруг надо будет уехать.

– Мне надо будет уехать? Уже?

Час от часу не легче.

– Нет, нет, что ты, – спохватилась Сьюзан несколько растерянно. – Я имела в виду на похороны. Если будут. Ну или что мы там сделаем.

«Похороны». Очередное новое слово. Вот уже год мы со Сьюзан, а столько ещё в мире незнакомого. Мама по части слов не напрягалась, а самостоятельно расширить кругозор, глядя из окна четвёртого этажа, можно лишь до какого-то предела.

«Разобраться». «Строимся в шеренгу вдоль стены, – сказала нам тогда, в прошлом сентябре, леди Тортон своим жёстким тоном суровой командирши. – Сейчас будем разбираться».

Мы только что сошли тогда с поезда, который эвакуировал нас в этот мелкий городишко из Лондона. Ну и стояли, гурьба мелких грязных оборванцев, а мы с Джейми – самые грязные и оборванные. Моё стремление сбежать из дома чуть не свело меня в могилу. Кривая нога кровоточила и болела так, что колени дрожали. А местные ощупывали нас взглядами с ног до головы и один за другим проходили мимо.

Нас с Джейми не хотел никто.

И вот теперь меня снова отправляют туда, только в одежке почище. И с гипсом.

– Ладно, ты, наверно, иди, – сказала я Сьюзан и повернулась к ней спиной. – Тебе же надо идти разбираться.

Глава 3

Взаперти у матери я могла хотя бы по комнате двигаться. Теперь же я беспомощно лежала, прикованная к больничной койке, вдали от Джейми и Коржика.

Если придётся уехать от Сюзан, никакого Коржика больше не будет.

Сюзан Коржика не особо любила – не так, как я. Он ей после Бекки остался. Может, она даст мне его на время, если там, где я в итоге окажусь, будет, где держать лошадь. Всё-таки это ведь я за ним ухаживаю.

Я закрыла лицо ладонями, и слёзы полились на подушку. Звук я постаралась заглушить.

Возможно, Джейми разрешат оставить кота. Всё-таки он мышей хорошо ловит. Даже мама могла бы разрешить Джейми кота.

– Очень, очень жаль насчёт твоей мамы, – прошептала надо мной медсестра помоложе и натянула одеяло мне на плечи.

Я ничего не ответила. Вообще-то Сюзан старалась прививать мне манеры, но как полагается себя вести, когда люди сожалеют, что умерла твоя ненавистная мама, я понятия не имела.

– Папа у тебя где, на фронте? – спросила медсестра.

Я покачала головой.

– Умер, – прошептала я. – Давно. С войной это не связано. – И потом добавила: – Теперь мы сироты.

Медсестру это, видимо, потрясло.

– Ах ты, бедняжка!

Я перевернулась на бок, лицом к стене.

– Что происходит дальше с сиротами? Где они живут?

– Вообще, в приюте, – протянула медсестра. – Но ведь ваша тётя вас, конечно...

– Она нам не тётя, – прервала я.

Когда днём пришла Сюзан, я притворилась, что сплю. Ближе к вечеру она вернулась с Джейми. Она и книжку нашу с собой принесла, «Швейцарский Робинзон», единственную, какая у нас осталась. Когда на дом упал снаряд, эта книжка лежала в нашем убежище Андерсона – приятно думать, что убежище действительно хоть что-то спасло.

Сюзан открыла на первой странице и принялась читать:

– Вот уже не первые сутки мы находились во власти разбушевавшейся стихии...

– Нет! – закричала я и зажала уши руками. – Не надо!.. Не хочу!

Семья швейцарских робинзонов терпела кораблекрушение и попадала на прекрасный остров, где всё оборачивалось для них как нельзя лучше. Джейми обожал эту книжку. Я же никогда не любила. А теперь и совсем терпеть не могла.

Бушующая стихия разнесла наш с Джейми корабль. Только никакое чудесное спасение нас не ждало. Мы не попали на остров. Мы по-прежнему барахтались в неистовых волнах, повиснув над самой бездной.

Сюзан захлопнула книгу. Я прижалась к Джейми и зарыдала.

Дни шли один за другим, но разбираться с нами никто не торопился. Я спросила насчёт приютов у молоденькой медсестры, и она сказала:

– Ой, сейчас наверняка есть хорошие... – и прямо вижу, лицо посерело. – Не то что раньше. В смысле, кормят нормально, и всё такое. Голодом не морят, по крайней мере...

– А с пони там можно? – спрашиваю.

– Насчёт этого не могу быть уверена, – говорит. Ну и понятно, что нет.

Доктора каждый день тыкали и жмакали мне ногу. Гипс сменили на другой, в точности такой же. Костылей не давали, с постели вставать не разрешали.

Каждое утро приходила Сьюзан и смотрела на меня мягко и сочувственно. Во второй половине дня, как только у Джейми заканчивалась школа, она приводила его ко мне.

Когда мы поселились у Сьюзан, она достала мне костыли. Но мама, когда забрала нас обратно, костыли выкинула. Так мы с Джейми и попали в Лондоне под бомбёжку: я просто не успела доковылять до убежища после того, как дали воздушную тревогу. Мы выбрались на улицу и попали под град обломков и битого стекла.

Ночью меня разбудила медсестра.

– Ты кричишь во сне, – говорит. – Успокойся.

Меня трясёт, пот валит градом.

– Нас бомбили! – говорю. – Мне на ногу стена обрушилась... Я застряла!

– Тебе приснился страшный сон, – успокаивает медсестра. – Давай, соберись. Ты всю малышню мне перепугала.

И ушла. А я уставилась в потолок. Сердце колотилось. Хотелось в туалет, но для этого надо было позвать сестру, а потом писать в утку, что напоминало, как у нас на старой лондонской квартире мама заставляла меня ходить в ведро.

Где здесь туалет, я в принципе знала: туда я ходила до операции. В палате было темно, но из коридора, где был пост дежурной сестры, пробивался слабый свет.

Я села. Откинула одеяла и покрывала. Постучала по твёрдому гипсовому футляру на своей ноге; ступня почти совсем не болела. Я свесила ноги с кровати.

С костылями было бы проще, конечно, но в палате через метр стояли койки. Опираясь на перила в подножьях, я поволокла гипсовую ногу по полу вперёд. Оказалось тяжело, но снова почувствовать, что двигаешься, мне было в радость. Я дотаскала до туалета, сходила по-маленькому и вышла. Уже на полпути обратно к кровати сзади меня кто-то гаркнул:

– Ты что вытворяешь?

Я дёрнулась от неожиданности, потеряла равновесие, взмахнула руками и грохнулась на ближайшую койку. Спящая в ней девочка со сломанной ногой на тяге проснулась и заверещала. Я метнулась вбок, свалилась на пол. Правая нога вывернулась в колене на сторону, и боль пронзила лодыжку. Я вскрикнула.

Тут проснулась вся палата. Вспыхнул свет, меня подхватили медсёстры и потащили в койку. Остальные принялись успокаивать мелкую девочку.

– Ты же уже не маленькая, могла бы головой подумать! – зашипела на меня главная медсестра. – Вон какой переполох мне устроила, всех перебудила, да ещё такие риски! Считай, легко отделалась, если ничего себе там не повредила. Вот узнает твоя мама...

– Она мне не мама! – закричала я, но главной сестре было всё равно.

Наутро доктор сказал, что никакого вреда я себе, по всей видимости, не причинила, но медсестра тем не менее рассказала обо всём Сьюзан. Сьюзан эти новости не обрадовали.

– Понять не могу, что только на неё нашло, – причитала сестра.

– Зато я могу, – ответила Сьюзан и добавила, обращаясь ко мне, уже более мягким тоном: – Я знаю, детка, тяжело, но постарайся не двигаться, пока не заживёт. Если ты опять попытаешься встать с кровати, тебя к ней просто-напросто привяжут.

Я содрогнулась.

А потом я увидела, что Сьюзан держит в руках.

– Тебе ещё письмо. От леди Тортон.

Внутри всё сжалось в комок. Вот оно. Сейчас с нами разберутся.

Сьюзан дождалась, пока медсестра уйдёт. Потом села ко мне на кровать, посмотрела на меня очень печальными глазами и сказала:

– Боюсь, новости тяжёлые. Я всё думала, как бы преподнести их тебе помягче, но так ничего и не придумала. – Она потянулась к моей руке. Я убрала её под одеяло.

Казалось, сейчас у меня остановится сердце.

Я должна остаться с Джейми.

Просто обязана.

– Вашу маму кремировали, – проговорила Сьюзан. – Это из-за войны, у них там на заводе было слишком много жертв, а мы слишком поздно узнали о её смерти и не успели запросить тело. Прах опустили в братскую могилу. Так что провести похороны мы не сможем. То есть ни в Лондоне, ни в нашем городе, нигде. Прости, мне очень жаль, что так.

Из её слов я не поняла ничегошеньки.

– Ада? – окликнула меня Сьюзан. – Ада, с тобой всё нормально?

Я даже не знала, с какого конца начать. «Похороны». «Братская могила». «Кремировали». Из неё что, сделали крем? Что за чёрт?

– Но есть и хорошие новости, – продолжила Сьюзан. – Леди Тортон предложила нам домик у неё в поместье, пожить. Говорит, маленький, зато с мебелью.

У меня пропал дар речи.

– А я уже и не знала, что думать, как быть, – продолжала Сьюзан. – Ущерб от разрушенного дома Бекки мне должно возместить государство, но говорят, это может затянуться на годы, а съёмное жилье у нас в городке сейчас буквально не найти... – Она остановила на мне взгляд. – Ты что-то совсем притихла. Понимаю, большое потрясение, но всё-таки: о чём думаешь?

Когда становилось совсем худо, я могла уйти в свои мысли, в такое воображаемое место, где меня никто не трогал. Я уносила на лужайку к Коржику, я пускала его галопом по зелёным полям...

– Ада, – Сьюзан постучала меня по плечу и вернула обратно.

Я сделала глубокий вдох и выпалила:

– Когда нам уезжать в сиротский приют?

– Когда ЧТО?

– Когда мне с Джейми, – Господи, только бы вместе, пожалуйста, дайте нам вместе, – когда нам уезжать в приют?

– Приют?! – пробормотала Сьюзан с таким поражённым видом, точно я ей пощёчину отвесила. – Ада! С какого такого перепуга вам вдруг ехать в сиротский приют?

Я резко вскинула на неё глаза.

– А куда нам ещё ехать-то?

– Да куда! Ничего же не изменилось. С какой вообще стати тебе пришло в голову... Это МАМА ваша умерла, я-то по-прежнему с вами!

– Но ты же сама сказала, с нами, мол, надо теперь разбираться!

– Это с похоронами надо разбираться, а не с вами!

– Откуда мне знать, что такое похороны?!

Сьюзан застыла.

– А, – коротко сказала она. – Господи, вот оно что. Бедняжка моя. Да ты же, наверное, извелась вся... Что ж ты ничего не сказала?

– Сама нам говорила, что не хочешь детей. – Говорила, поначалу, когда только мы приехали, и не раз. – А мы к тому же больше не эвакуированные как бы. Мы теперь сироты. Леди Тортон теперь за нас не в ответе, и ты теперь не в ответе, а в сиротском приюте мне не разрешат Коржика, и...

– Ох, Ада, Ада. – Сьюзан наклонилась ко мне и заключила в объятия. Я попыталась отпихнуть её, но она держала крепко. Сьюзан, она вообще сильнее, чем кажется. – Ты всё неправильно поняла, – мягко сказала она. – Да, вы сироты – по крайней мере, формально, но вы, конечно же, останетесь со мной. В каком-то смысле так даже проще, раз ваша мама умерла. Теперь вряд ли что-то помешает мне оформить над вами законную опеку. Когда я говорила про разбираться, я имела в виду, с вашей мамой. С её останками.

«Останки» я тоже не знала. Могла догадаться, наверно, но побоялась.

– С её телом, – уточнила Сьюзан. – Только с этим. Вы с Джейми остаётесь со мной.

Я хотела было ответить, но не вышло. Горло сдавило, а потом наружу сами прорвались рыдания, и всё, только Сьюзан качала меня на руках, взад-вперёд, взад-вперёд, точно маленького ребёнка, точно любимого ребёнка, точно она меня любит и всегда любила.

Глава 4

В ближайшую погожую субботу Сюзан уговорила медсестёр отпустить меня с ней на каталке прогуляться. Уже начался октябрь, воздух стоял свежий, студёный, небо вверху было такое ярко-синее. Слегка потягивало древесным дымом, над головой – ни одного самолёта. Никаких бомб. Никакого вторжения – пока никакого.

На мне платье и кофта – их мне Сюзан на базаре нашла. Гипсовая нога, а вместе с ней и голая левая обернуты в плед. Сюзан толкает вперёд кресло-каталку, Джейми скачет рядом вприпрыжку.

– Пройдёмся по центральной улице, зайдём выпьем чай, – сказала Сюзан. – Только вначале я хочу вам кое-что показать.

Она остановилась напротив церкви. Эта была побольше, чем в нашем городке, но в остальном такая же: тёмно-бурое угловатое здание с высокой колокольной и погостом, на котором торчат частоколом каменные плиты.

– Ведите себя потише, – прошептала нам Сюзан, – и пальцем не показывайте. Вон, видите? Там, где люди, и могила рядом выкопана. Такая яма в земле. А рядом, видите, деревянный ящик? Называется гроб. Это похороны, точнее, их финальная часть. А начало проходит в церкви. Сейчас они захоронят усопшего.

– Усопшего? – не понял Джейми.

– Мёртвого, – пояснила Сюзан.

– Что, прямо в землю? – пискнул Джейми.

– Ну, да. А куда ещё, по-твоему, их складывать?

Я и раньше замечала, что на плитах на погосте написаны чьи-то имена, но мне неоткуда было знать, что это подписаны те, кто под ними лежит. И я сказала:

– Надо же, никогда не думала.

– Я надеялась, что вашу маму мы сможем похоронить у нас в городе, – сказала Сюзан.

– Зачем? – спросил Джейми.

– Чтобы вам было куда прийти почтить её память. То есть подумать о ней. Что-то хорошее вспомнить.

С этим пришлось бы напрячься.

– Но её кремировали, – вставила я. Мне далеко не все слова были понятны, но запоминала я их без проблем.

– Да, – подтвердила Сюзан. – То есть её тело сожгли, и остался только пепел.

Я повернулась к ней.

– Шутишь.

– Н-нет, – ответила Сюзан. Видно было, что ей неловко. – Но это совершенно нормально, никакого непочтения. В условиях военного времени даже очень практично.

– Если у нас нет тела, – сказала я, – откуда мы знаем, что она точно умерла?

– Вам выдадут свидетельство о смерти. Пришлют по почте. Как свидетельство о рождении, только наоборот.

– А-а, – протянула я. Своё свидетельство о рождении я хранила в специальной коробочке.

– Я его тебе отдам, когда придёт, – сказала мне Сюзан. – Ты его сбережёшь в сохранности.

Я кивнула. Это можно.

Джейми спросил:

– А теперь ещё не пора пить чай?

Сюзан сжала его ладошку.

– Конечно. Пойдёмте.

В чайной я проглядела цены в меню и нахмурилась.

– Раз мы больше не эвакуированные, – сказала я Сьюзан, – государство тебе теперь не будет платить за то, что ты нас держишь. Мы тебе не по карману.

Дом у Сьюзан – тот, который разбомбило, – был довольно шикарный, но сама она всегда говорила, что денег у неё немного; работы у неё тоже никакой не было.

– Об этом я позабочусь, – ответила Сьюзан. – Я же рассказывала, что уже подала документы. Оформлю на вас опеку.

Новое слово мне нравилось. «Опекун» – это звучит сильно.

– Как только выйду из больницы, пойду работать, – заявила я.

– Ада, Ада, – улыбнулась Сьюзан. – Пожалуйста, перестань. Не надо тебе так напрягаться из-за денег.

– А за мою операцию кто заплатил? – спросила я. – И за койку в больнице, и за вашу комнату в пансионате, и за всю эту новую одежду?

– Не думаю, что тебе надо во всё это вдаваться, – покачала головой Сьюзан.

– А я думаю, – огрызнулась я.

Она вздохнула.

– Одежду купила я. Деньги на наше проживание здесь собрала Добровольческая служба. – Она втянула носом воздух поглубже и закончила: – А твою операцию оплатили лорд и леди Тортоны.

– Тортоны?!

Джейми прихлебнул чай из кружки и вставил:

– А что, у них денег – куча!

Может, и куча, но это не значит, что я разрешала их на меня тратить.

– Стало быть, теперь мне надо быть ей благодарной, – пробурчала я. – Леди Тортон, в смысле. – Лорда Тортона я никогда не видала. Он работал где-то на нужды фронта.

– Смею надеяться, ты и так ей благодарна, – заметила Сьюзан. – Всё-таки она столько для тебя сделала: и помощника тебе для Коржика нашла, и одежду Мэгги подарила, я уж не говорю о домике, в котором мы теперь будем жить.

Джейми поднял глаза на Сьюзан.

– Она дала нам тебя! – возвестил он.

Это была правда. В конце концов, леди Тортон и в самом деле с нами разобралась – а именно, запихнула в свой автомобиль и вытолкала у дома Сьюзан. И это было лучшее, что она могла сделать, хотя в тот момент никому так не казалось.

– Не хочу быть благодарной поневоле, – буркнула я.

– Понимаю, – улыбнулась Сьюзан. – Но надо.

Благодарной – и кому? Суровой командирше с каменным лицом. Благодарной за каждый заново наложенный гипс. Благодарной за ремни, которыми меня стали привязывать к кровати после того, как я снова попыталась сама сходить в туалет. Благодарной за сестёр, которые будили меня посреди ночи, потому что я кричала во сне.

– Держись, – твердила Сьюзан. – Тут иначе не справиться, надо просто дотерпеть до конца.

Она приносила мне книжки из библиотеки, карандаши и бумагу, доставала шерстяные нитки, купила новые вязальные спицы – всё, чтобы помочь мне скоротать время. Приносила письма Мэгги из её интерната. Приносила шашки: по вечерам мы играли с Джейми.

– Наберись храбрости, – наставляла Сьюзан.

– А это сойдёт за благодарность? – спрашивала я. Внутри бурлил протест.

– Отчасти, – кивала Сьюзан.

Двадцать девятого ноября Джейми исполнилось семь лет. Мы со Сьюзан подарили ему маленький торт и оловянный самолёт, «Спитфайр» – такой истребитель, на котором летал брат Мэгги Джонатан.

Три дня спустя доктор в очередной раз снял с меня гипс. Но вместо того, чтобы готовить, как обычно, ногу к новому гипсованию, он сказал:

– Так-с. Давай-ка попробуем приземлиться.

А потом взял меня под мышки и поднял со стола.

И поставил на ноги.

И я стояла.

Сьюзан сидела и улыбалась. А доктор сказал:

– Ну же, попробуй на неё опереться.

Я ухватилась за край стола и вжала правую ногу в пол. Сустав в лодыжке слегка повернулся. Стало больно, но я этого ожидала. Надавила сильнее. Икры задрожали – всё-таки сколько уже я их не пускала в ход.

И вот – я стояла. Сама, на ногах. Обеих. Я отдёрнула подол сорочки и глянула вниз: две ноги. Десять пальчиков, и все смотрят вперёд; десять ноготков, все повернуты ко мне. Правая стопа поменьше, в рубцах, и на коже сверху до сих пор натоптыш из-за того, что я так долго наступала не той стороной, – но в остальном вполне как обычная нога, никакого не уродство.

За такую ногу мама бы, наверно, на меня не орала.

Так значит, сработало. Операция удалась.

Больше я не косолапая.

Пока я стояла и пялилась на свои ноги, картинка на глазах расплылась в размытое пятно, потом прояснилась, потом опять расплылась. Вниз капнули крупные бусины слёз. Плечи у меня задрожали, и я бы, наверно, осела на пол, если бы Сьюзан не обхватила меня руками. Она буквально укутала меня в свои объятия – так же, как в то утро в Лондоне, после бомбёжки, когда она нашла меня живой.

– Не знаю, как ты, а я как-то начинаю привыкать к этим телячьим нежностям, – прошептала она мне на ухо. Меня это до того рассмешило, что я расхохоталась прямо сквозь слёзы.

Так я и стояла, рыдала и стояла, рыдала – и всё стояла, стояла.

После обеда ко мне в палату влетел Джейми с картонной коробкой в руках.

– Покажь ногу! – потребовал он.

Я лежала поверх одеял, вытянув перед собой обе голые ноги.

– Ну смотри, – говорю.

Сама я весь день только и делала, что любовалась своей ногой.

Джейми забрался ко мне на кровать. Нашупал пальцами толстый рубец на лодыжке и говорит:

– Улёт! Прямо как настоящая.

Сама я и не думала, что нога может так измениться. Доктор говорил, что сгибаться до конца лодыжка всё равно не будет, и внутри там не совсем как положено, но ходить, ступая на землю подошвой, я смогу, и носить на обеих ногах нормальную обувь тоже. А мне больше ничего и не надо было.

Сьюзан протянула мне коробку, которую принёс Джейми.

– Бери. В честь успешного завершения.

Я сняла крышку. Туфельки. Кожаные, с ремешком на лодыжке, совсем как у Мэгги. Отличные новенькие туфли, каких в продаже уже почти не найти.

– Это мы их давно купили, – пояснил Джейми. – За день до операции.

Сначала я надела левую туфлю. Потом взяла свою новую правую ногу. Сунула пальцами во вторую туфлю. Вставила пятку. Застегнула ремешок. Туфля сидела чуть-чуть свободно, но в принципе место перед пальцами оставалось в обеих. На вырост. Можно будет долго носить.

Обутыми обе ноги смотрелись совершенно одинаково. Даже шрама не видно.

«Калека ты убогая, и больше ничего, с таким-то уродством!» Вот что говорила мне мама. Постоянно повторяла, пока мне не пришлось приложить все силы, чтобы перестать в это верить.

Больше никогда не придётся это слушать.

Внезапно меня охватила удушливая досада.

– И что, всего-то и надо было? – подняла я глаза на Сьюзан. – Повалиться пару месяцев в больничке и всё?

Я целую жизнь страдала из-за этой ноги.

На глаза Сьюзан навернулись слёзы.

– Твоя мама просто не знала, – проговорила она.

– Знала, – возразила я. – Ей просто нужен был повод меня ненавидеть.

Джейми в непонимании переводил глаза с меня на Сьюзан и обратно.

– Я думал, ты будешь рада, – пролепетал он.

– О, Джейми. – Я вдохнула воздух всей грудью. – Ещё как рада! – Скинула ноги и потребовала: – Помоги мне встать.

– Осторожней, – вырвалось у Сьюзан. – Они же ещё не окрепли...

– Ничего, Джейми поможет.

Я раскинула руки в стороны, чтобы Джейми помогал мне удерживать равновесие, и мы двинулись вперёд по палате. Шаг, другой.левой. Правой.

Раньше, когда я наступала на больную ногу, сустав в ней хрустел, а кожа рвалась и кровоточила. С каждым шагом болело всё больше. Теперь же с каждым шагом болело всё меньше. Ноги и правда ослабли и дрожали, но зато я ходила.

– Получается! – воскликнул Джейми.

Мне едва верилось.

– А скоро бегать начну, – заявила я тем не менее. – Быстрее тебя.

Джейми растянулся в улыбке.

– Нет, я буду быстрее! Я всегда буду быстрее.

– Нет, не будешь.

– Нет, буду!

Я хотела лечь спать в туфлях, но медсестры заставили меня их снять, а вместо них надеть специальную скобу. Сказали, это ненадолго. В больнице я пролежала ещё пару-тройку недель, делала упражнения для ног и наконец, во второй половине декабря, мы распрощались и с медсёстрами, и с докторами, и со скобами-костылями-всем-прочим. Я надела свои новые туфли на толстые зимние колготы, и мы отправились домой.

Глава 5

– Нарисуй мне карту, – попросила я Сьюзан, как только мы забрались в поезд. До станции я дошла, как самая обычная нормальная девочка. Правой-левой. Никаких костылей. Даже почти не хромала. Не то что в день эвакуации – тогда в конечном счёте пришлось Стивену Уайту нести меня на спине.

– А мы через Лондон будем проезжать? – спросила я. – Нарисуй карту, где мы и как поедem. – Сьюзан иногда рисовала мне карту – планы нашего городка, например, чтобы я не потерялась во время своих прогулок верхом на Коржике.

– Нет, через Лондон не будем, – ответила Сьюзан.

Солдаты на скамье подвинулись, чтобы мы втроём сели рядом. Сьюзан убрала наши баулы на багажную полку и задвинула корзину с Боврилом под сиденье. Потом отыскала в сумочке карандашик и клочок бумаги и стала рисовать.

– Это Англия. Мы вот здесь. Лондон примерно тут. А вот здесь наш дом. – И она провела волнистую линию, изображая железную дорогу в Кент.

– А тут что? – ткнул Джейми в пустое место на краю бумажки.

– А тут драконы, – ответила Сьюзан.

Я так на неё и уставилась. А она рассмеялась и говорит:

– Шутка! В старину на краях карты драконов рисовали. Мир ведь ещё был до конца не изведен, и считалось, что на дальних краях земли обитают драконы.

Мы по-прежнему сидели, уставившись на неё.

– Драконы – это кто? – выпалил Джейми. Как и он, я тоже не имела ни малейшего понятия.

– Огромные мифические создания наподобие гигантских ящериц, которые дышат огнём, – пояснила Сьюзан. – Иногда ещё летают.

У Джейми расширились глаза, я насупилась. Серьёзно она это? Не поймёшь.

– Не хочу драконов, – заявил Джейми.

– Ладно-ладно, – сказала Сьюзан. – На нашей карте их не будет.

И тогда она нарисовала вместо драконов Английский канал: с этой стороны – южный край Британии, а на дальней – волнистая линия, вроде как берег Франции. Поперек неё Сьюзан написала: «Оккупировано немцами».

– Лучше бы уж драконы, – проговорила она.

Ну не знаю. Гигантские ящерицы, которые летают и дышат огнём – лучше? Так, может, послать их на Гитлера?

Когда мы вышли на городской станции, была уже ночь. До нашего нового дома мы взяли такси. В автомобиле Джейми прижался лбом к стеклу и проговорил:

– Раньше мы жили в доме на дереве. А теперь переселяемся в пещеру. – Это, естественно, было почерпнуто из «Швейцарского Робинзона».

– Именно так, – согласилась Сьюзан. – Условия поначалу будут спартанскими, но мы наведём уют. Будет куда теплее и суше, чем на дереве.

Я закатила глаза.

– Зачем ты с ним соглашаешься, он же выдумывает!

– Можешь придумать получше? – ухмыльнулась Сьюзан.

Но я не могла. Тут не поспоришь.

Домик обступали мрачные деревья подлеска, голые и серые зимой и оттого сообщавшие унылый вид. Бледные каменные стены поблескивали в лунном свете.

– Ты вроде говорила, маленький, – проговорила я. Дом был вдвое больше, чем тот, что разбомбило.

Сьюзан стояла и моргала глазами.

– Я и сама думала, что он будет маленький. Так мне его леди Тортон описывала.

Если и маленький, то только по сравнению с особняком Тортонов, который сам был размером с вокзал.

Сьюзан расплатилась с таксистом, из-под цветочного горшка у подножия крыльца достала огромный железный ключ и повернула его в замке. Внутри царил кромешная тьма. Светомаскировка стояла на всех окнах. Сьюзан нащупала выключатель, вспыхнула электрическая лампочка, одиноко свисавшая в центре потолка, и тусклый свет озарил большую полупустую комнату. В углу что-то зашебуршало и юркнуло с глаз долой. Только бы мышь, подумала я, только бы не таракан и не крыса. Джейми стянул крышку с корзины с Боврилом. Тот зарычал и бросился в сторону шороха.

В первый раз в своей жизни я возблагодарила небеса за этого кота.

Никакой сыростью в воздухе не пахло, но от заштукатуренных стен разило холодом. Следуя за Сьюзан, я пошла осматривать нижний этаж. Следующая лампочка осветила прилегающую к комнате кухню с шатким столом и набором стульев. За ней, в задней части дома, оказались небольшая пустая каморка и нечто вроде судомойни с кипяtilьным баком и полной кадкой угля.

– Святые небеса, – пробормотала Сьюзан, увидев уголь.

Когда мы подошли к лестнице наверх, к нам по ступеням скатился Джейми и прокричал:

– Пять спален!

– О, отлично, – сказала я. – Теперь Боврил может спать отдельно.

Джейми бросил на меня резкий взгляд.

– Боврил спит со мной. ТЫ можешь спать отдельно.

– Ещё лучше, – заметила я и пошла наверх.

Кроме пяти спален на втором этаже располагалась ванная. Две спальни оказались пустые; в трёх стояли кровати, уже заправленные простынями, одеялами и подушками.

Со стороны леди Тортон очень даже мило снабдить нас постельным бельём. Великодушный жест, как и кадка угля.

Как и моя операция.

Я спустилась вниз. Вот так прямо и спустилась: правой, левой. Правой, левой. Совершенно обычным способом. Как все люди, ногами.

Прекрасное ощущение.

Джейми уже тащил в гостиную уголь, полное печное ведёрко, а Сьюзан хлопотала у камина.

– Так много места нам не нужно, – сказала я.

– Знаю, – откликнулась Сьюзан. – Спасибо ей, конечно, большое, но было бы лучше всё-таки что-нибудь покомпактнее. Эту громаду мы разоримся обогревать.

Джейми поднял на неё лицо и взглянул из-под взъерошенной чёлки.

– Нам нужна большая пещера! – заявил он. – Когда поднимется буря, у нас должно хватить места на всех.

Сьюзан отвела мне спальню напротив лестницы. Отдельную спальню, всю целиком мне. Большая пустоватая комната с одним окном, на стенах – жёлтые обои; деревянный пол голый и оттого холодный. Из мебели кровать, стол с лампой, полка для книжек и небольшой комодик для белья. Всё, что мне только может понадобиться.

Я сняла туфли и поставила их на книжную полку, чтобы, если ночью проснусь, их было сразу видно. Потом распаковала свою котомку с вещами, достала из неё ночнушку с халатом,

запасные носки и бельё. На дне сумки лежала коробочка, в которой я теперь хранила своё свидетельство о рождении. Её я тоже достала и поставила на полку рядом с туфлями. Потом сняла свитер, платье и надела ночнушку. Дрожа от холода, надела сверху свой больничный халат. Выключила свет, сняла с окна чёрную заслонку и выглянула на задний двор. Напротив заднего хода, который вёл в судомойню, возвышался холмик вкопанного в землю убежища Андерсона, а чуть дальше лежал небольшой загончик – квадратный клочок газона, окружённый оградкой.

Я подняла оконную створку и высунула голову наружу, в ночной воздух.

– Коржик, – проговорила я.

Раньше, когда мы жили в доме Бекки, Коржик всегда пасся на таком вот загоне на дворе. Стоило мне его позвать, и он мчался ко мне галопом, уши торчком, хвост по ветру. Прямо передо мной затормозит, встанет как вкопанный и слегка голову ко мне наклонит. Ни разу меня с ног не сбил, ни разу – даже в самом начале, когда я ещё боялась и норовила дать слабину.

– Коржик, – прошептала я, глотая слёзы. Как же мне его не хватало.

Вошла Сьюзан, принесла ещё одеяло. Встала рядом со мной у окна. Слёзы катились градом по моим щекам, но Сьюзан ничего на этот счёт не сказала.

– Замечательный садик, – заметила она только.

Я сказала:

– Мне так не хватает Коржика.

Сьюзан закрыла окно и ответила:

– Завтра с ним увидишься. Как только встанешь, сразу, первым делом. – Она обняла меня за плечи и добавила: – Давай, залезай в кроватку. Ты сегодня так устала.

Она была права. До этого момента я и сама не замечала, как я измоталась за день, но теперь вдруг почувствовала такую усталость, что еле могла стоять на ногах. Я скользнула в холодную постель, а Сьюзан накинула сверху второе одеяло и подоткнула его по бокам. Как только её губы коснулись моего лба, я провалилась в сон.

Глава 6

– Боврил поймал мышь! – раздался снизу вопль Джейми.

Я рывком села в кровати. Было утро. Хорошо ещё, что дверь в мою комнату была закрыта.

Хотя мыши, конечно, получше, чем тараканы там или крысы.

Я наскоро оделась. Коржик. Внизу Сьюзан возилась у новой плиты.

– Овсянку будешь? – бросила она мне.

– Не-не-не-не! – Я уже пихала руки в рукава пальтишка.

Сьюзан рассмеялась. Наскоро пояснив мне, как пройти от домика к конюшням, она сунула мне кусок хлеба на дорожку и выпустила наружу.

На улице было холодно, солнце едва освещало серый лес. Зато в воздухе пахло домом – сеном, травой, солью океана. Я вдохнула поглубже. Как же мне не хватало этого запаха.

Вильнув раз-другой, дорожка вывела меня на объездную аллею, идущую от особняка Тортонов к конюшням. Впереди завиднелись кровли стойл. Эти места я знала прекрасно.

– Фред! – закричала я. А потом я *побежала*.

До этого момента я ещё не пробовала как следует бегать. Меня шатало, я то и дело спотыкалась и вскоре начала задыхаться, но зато я бежала – по-настоящему бежала, и это было до того здорово, что я рассмеялась от всей души. Свернув последний раз, я выбежала на конный двор, и передо мной возник Фред, конюх леди Тортон, который стоял там, сняв свой картуз и почёсывая по своему обыкновению совершенно лысую голову.

Его лицо озарилось. Он протянул ко мне руки. Что хорошо, потому что как останавливаться, я понятия не имела. Я врзалась прямо во Фреда, а он расхохотался и закружил меня в воздухе. Потом опустил на землю, прочно поставил на обе ноги и поцеловал в щёку. Мы всегда были друзьями – он учил меня ездить верхом, я помогала ему с работой на конюшне, – но целовать он меня никогда не целовал.

– Ох ты, девонька! – прибавил он, достал огромный платок и утёр глаза. – Я уж и не думал тебя такой бойкой увидеть! Не думал, что это и впрямь можно...

– Раньше ты такого не говорил!

– Ну, я думал, хоть немного получше тебе сделают... – пробурчал он. – А вот чтобы бегать, да так прытко, такого я не ожидал!

Я ухмыльнулась.

– А я бегаю! – сказала я.

– А ты бегаешь! – повторил он. – Ой ты господи, как же я по тебе соскучился, девонька ты моя. Наконец-то вернулась, а! – Он глубоко вздохнул. – Ну, что, работы у нас выше крыши.

Но я уже повернулась к стойлам.

– Ко-оржи-ик!

Над половинчатыми створками одного из стойл высунулась жёлтая голова Коржика. Уши вперёд, глаза сияют. Коржик вытянул шею и низко протяжно фыркнул.

– Он по тебе скучал, – заметил Фред. – Мы все тут по тебе скучали.

Раньше по мне никогда никто не скучал.

Я тяжело сглотнула. Подошла к Коржику и потёрла ладонью его лоб. Он потянул ноздрями воздух, принюхиваясь к руке, а я сказала:

– Я боялась, что он меня забудет. Что вы оба с ним меня забудете.

– Ещё чего, – отозвался Фред. – Мы без неё никуда, а, поняш? Мы так рады, что ты вернулась, девонька.

Они без меня – никуда. Я им нужна. Нужна.

– А Мэгги здесь? – спросила я. Школа, в которой училась Мэгги, находилась очень далеко отсюда.

– Скоро приедет, – заверил Фред. – И тоже будет ой как рада тебя видеть, это верно. А я и подавно. Я запустила пальцы в гриву своего Коржика.

– Можно я вначале прокачусь, а потом уже за работу?

Фред вместо ответа вытащил моё персональное, дамское, седло. Но я покачала головой:

– Я хочу просто верхом, как Мэгги. У меня же теперь обе ноги работают.

Фред помедлил, неуверенно улыбаясь.

– Знатные леди, они боком ездят.

– Да какая из меня знатная леди, – засмеялась я. – Обычная девчонка.

– Это как повернуть...

– Поверните, пожалуйста, прямо! – воскликнула я.

Фред тоже засмеялся и пошёл в амуничник за старым седлом Коржика. В наш собственный сарайчик с упряжью бомба не попала, так что всё снаряжение, какое у нас было, теперь хранилось здесь, у леди Тортон.

Какая же это радость, снова надевать на Коржика седло, затягивать подпругу, вкладывать ему за зубы удила, застёгивать ремни уздечки. Какая радость, взобраться в седло и спустить обе ноги в стремяна – каждую в своё. Фред помог мне слегка отпустить ремни: оказывается, я подросла, пока лежала в больнице.

Фред потрепал Коржика по шее и сказал:

– Только недолго. У тебя пока ещё сноровка не та и силы поубавилось. И потом, я ж на тебя рассчитываю, по части работы-то.

Конечно, он был прав: прежняя сила ко мне ещё не вернулась. На свой холм наблюдения я бы не поехала и по дальним полям носиться бы не стала. Но мне хотелось съездить в город, разыскать своего друга по Лондону, Стивена Уайта. Он был бы не прочь посмотреть на мою новую ногу.

Копыта Коржика застучали по мощёной аллее. Морозный воздух полоснул мне по ноздрям. Меня закачало в седле в такт лошадиному шагу, я вдохнула полной грудью и почувствовала покой на душе. Правая нога неподвижно сидела в стремяни, не сгибаясь в лодыжке – и она никогда не будет в ней сгибаться, но это не важно. Важно, что она не болит. Я подстегнула Коржика, и он перешёл на рысь. Раньше опыта облегчаться на рыси у меня толком не было – в дамском седле особенно не пооблегчаешься, но сейчас я быстро разобралась, что к чему, и спустя несколько тактов нашла нужный ритм. Никаких неудобств правая нога не доставляла, если сильно не давить пяткой вниз, и я выпрямила плечи и постаралась держать ровно таз. Раньше ведь надо было сидеть боком.

Коржик протяжно фыркнул. Я потрепала его по плечу. Если бы можно было не вылезать из седла, я бы вообще ничего не боялась.

Стивен Уайт жил недалеко от нас в небольшом домике у одного очень старого полковника по имени Макфёрсон. В больницу мне от Стивена никаких вестей не приходило, да и не должно было. Иногда я писала Мэгги, потому что она так надолго уезжала в этот свой интернат, но вообще писать письма мне пока давалось с трудом. Очень уж долго я ничего не писала и не читала.

Стивен Уайт был моим первым в жизни другом. В день эвакуации из Лондона это он помог мне уехать. Кроме Джейми, он был единственным человеком, который по-настоящему понимал, что представляла собой моя жизнь у мамы. Уж конечно, он был бы не меньше Фреда рад увидеть, как я уверенно управляюсь на своих двоих.

Перед домом полковника я натянула повод. Обычно Стивен неплохо следил за домом, а тут... Дом стоял, точно заброшенный. Крыльцо занесло жухлыми листьями, на окнах сплошь заслоны; дыма из трубы тоже что-то не видать. А вообще-то полковник вечно мёрз, так что топил постоянно.

Я спешила. Подхожу по тропинке к крыльцу, Коржика веду за собой. Стучу в дверь. Вдруг за спиной голос:

– О, Ада. – Тусклый такой, отрешённый. – Не ожидал тебя. Не знал, когда вернёшься...
– Стивен?

Оборачиваюсь – Стивен стоит на дороге, велосипед держит. Вид ужасный. Лицо серое, вытянутое, под глазами тёмные круги. Запястья костлявые из-под рукавов так и торчат. На одном рукаве, повыше, широкая чёрная повязка.

– А что случилось? – спрашиваю.

Он сглотнул.

– Да много чего, – говорит. – Хорошо, что успели повидаться. Я утром уезжаю уже. У меня для тебя кой-чего есть – точней, для Сьюзан.

– Уезжаешь?

– Ага. Отец в торговый флот подался, меня к нему на судно юнгой записали. Покажем Гитлеру, где раки зимуют, он у нас за всё заплатится.

– А полковник как же? – спрашиваю. – И потом, кто ж тебя на войну возьмёт, тебе ж лет ещё мало!

Стивен плечами пожимает и говорит:

– Для юнги тринадцать – нормально. Даже врать не пришлось. Рождество с отцом в Лондоне отметим, у родных, а там и отчалим.

Стою – не знаю даже, что и думать.

– Это же опасно, – только и смогла выдавить. Судна с провиантом немцы без конца тогда взрывали.

– Наверно. – Стивен оглядел меня сверху донизу – и всё равно не улыбнулся, смотрел хмуро. А раньше всегда такой весёлый был. – Хорошо выглядишь, – говорит. – Операция как, нормально прошла?

– Ага, – говорю. Всё никак понять не могу, откуда в нём такая отрешённость. – А что случилось-то?

– У меня тут есть кое-что для Сьюзан, – говорит опять. – Я тут пока у пастора ночую. А ты теперь ведь у Тортонов, в доме лесничего, верно? Я зайду ближе к вечеру, после чая?

Я кивнула. Чувствую – Коржик мордой в руку тыкается, поворачиваюсь похлопать его. Смотрю назад – Стивен уже влез на велосипед и катит по дороге прочь.

– Стой, погоди! – кричу ему вдогонку.

– До вечера, – бросает через плечо. И уехал.

Когда я спросила на этот счёт у Фреда, он только головой покачал.

– Ох-ох, Стивен – плохи его дела, – проговорил он. – Пусть, наверно, сам тебе расскажет – он, видать, так и решил.

– А почему дом полковника стоит заброшенный?

– Помер он, полковник-то, – ответил Фред. – Уж пару месяцев тому – вот как ты уехала, так вскорости и помер. Во сне, значит. Восемьдесят восемь годков.

– Что ж ты мне раньше не сказал? – Полковник мне в общем-то был по душе.

Фред замялся.

– Ну-у... Я уж прям так сразу об этом не подумал. Всё ж невесть какая неожиданность, пожилой человек. А следом и... – он осёкся. – Говоришь, Стивен к вам зайдёт сегодня? – Я кивнула. – Ну и хорошо, – заключил Фред. – Сам и расскажет.

Больше из него ничего было не вытянуть. Я расседлала Коржика, почистила его щёткой как следует, отвела в денник и принесла ему воды и свежего сена. Потом прошлась по остальным денникам: вот Иви, Мэггина лошадка; за ней жеребец Джонатана, Обан; следом охотничьи лорда Тортона – у всех проверила, чтобы была вода, всем поднесла ещё сена. Но только я

достала было тачку с вилами – теперь, с двумя-то ногами, я могла б и с тачкой управиться, – как Фред её у меня забрал и сказал:

– Для первого дня хватит с тебя.

– Я тогда завтра приду, – ответила я. – Если тебе вечером помочь не надо. Я готова много работать. – Мне хотелось перенять всё, чему Фред может меня научить, чтобы потом, когда подрасту, работать где-нибудь на конюшнях за деньги. Всё-таки не такая уж несбыточная мечта.

– Только не надо из кожи вон лезть, – сказал Фред.

– Фред, – улыбнулась я, – из кожи уже не придётся.

Сьюзан решила, что лучше мы дождёмся Стивена и попьём чай вместе с ним. Днём они с Джейми были в магазине, и Сьюзан сделала бутерброды с рыбным паштетом, залила свежую заварку и накрыла стол на четверых. Стивен явился с бумажным пакетом под мышкой. Оглядел стол без тени улыбки, сел.

Джейми плюхнулся на стул рядом с ним.

– Как там Билли? – спросил он без обиняков. Билли был младший брат Стивена и лучший друг Джейми.

Стивен тяжело сглотнул. Хотел было заговорить, захлебнулся, снова сглотнул. Начал заново. Прежде, чем у него получилось что-то сказать, он приступал ещё два или три раза. И наконец выговорил:

– Умер.

Глава 7

Сьюзан обомлела. Джейми испустил что-то среднее между визгом и всхлипом. Я подумала вначале, что ослышалась. Билли Уайт был ровесник Джейми. Он просто не мог умереть.

– Немцы бомбили Лондон, – продолжил Стивен, – пятьдесят семь ночей кряду.

Про это я знала. В первую из этих пятидесяти семи я и сама была в Лондоне. Мамин завод разбомбило на следующей неделе.

– Из них никого не осталось, – проговорил Стивен, – все...

– Только не Билли... – попытался возразить Джейми.

– А куда они делись? – тупо спросила я, пока до меня не дошло, что Стивен имел в виду. – Ой. О, чёрт, Стивен... Совсем все – то есть все?

В начале войны и брат Стивена, и его три младшие сестрёнки были точно так же эвакуированы из Лондона, как и мы с Джейми и самим Стивеном. Но потом бомб долго не было, и многие родители, в том числе и Уайты, забрали детей обратно домой. Стивен один остался в эвакуации, потому что видел, что его полковник без помощи не обойдётся.

– Кроме отца, – сообщил Стивен. – Он был на работе. Если б я только...

– Это ещё неизвестно, – быстро прервала его Сьюзан. – На войне всякое может случиться.

По лицу Джейми текли слёзы, по щекам Сьюзан тоже. Я почувствовала, как и по моим катятся крупные капли. А Стивен не плакал. Вид у него был такой, точно он вообще больше никогда не сможет плакать.

– Мы с отцом решили теперь вместе держаться, – сказал он. – А немцам мы отомстим. Ещё поплатятся.

Отца Уайтов я плохо представляла. Знала только, что он на доках работает. Хотя там, где мы жили, почти все мужчины на доках работали.

– В общем, – продолжил Стивен, – я тут принёс вам кое-что. Нашёл в обломках вашего дома. Я там немного покопался, когда вы уже уехали, пока бульдозеры не пригнали.

На соседнем к дому аэродроме использовали всякие обломки, чтобы заваливать ими вмятины от взрывов на взлётных полосах, это мне было известно. Под нашими пристальными взглядами Стивен запустил руку в свой пакет.

– Не ахти что, конечно...

Ахти чего я точно не ожидала. В развалинах мы и сами пошарились в тот же день после бомбёжки, но не нашли ничего стоящего, кроме пары кастрюль.

– Вот. – Стивен водрузил на стол перед Сьюзан покорёженную металлическую рамку.

Сьюзан ахнула. Схватила рамку. Потом кинулась обнимать Стивена.

В рамке была фотография Бекки, подруги Сьюзан; раньше она всегда стояла у Сьюзан на прикроватной тумбочке. Стекло в рамке разбилось, но сам снимок остался цел.

– Я подумал, может, захочется оставить, – буркнул Стивен.

Сьюзан промокнула глаза платком.

– Незаменимая вещь, – выдавила она.

Стивен кивнул.

– Понимаю. Жаль, что у меня фотографии родных не осталось.

Фотографии мамы у нас не было. Фотографии Джейми тоже не было, и моей не было, и отца нашего тоже не было. Мамину квартиру разбомбило как раз в ту ночь, когда мы с Джейми были там – мы едва успели выбраться сами. Да и в любом случае, фотографий у нас в принципе не водилось – и ни у кого в нашем квартале.

– Попей чайку, – очень мягко предложила Сьюзан Стивену.

– Не могу, некогда, – отрезал Стивен. – Меня пастор ждёт. Я же из Лондона только за вещами вернулся. Завтра уезжать, поезд рано утром.

– Заезжай в любой день, когда будет возможность, – сказала Сьюзан. – Мы тебе здесь всегда будем рады. И пришли нам свой адрес. Будем тебе писать.

– Да разве на корабли почта приходит, – пожал плечами Стивен.

– Приходит-приходит, – заверила Сьюзан. – Мы тебе напишем. Боже, Стивен, мне так жаль.

Стивен поднялся. Дойдя до двери, обернулся.

– Хорошо, что операция твоя удачно прошла, Ада, – сказал он. – Я рад. Ты классно ходишь.

– Наша мама тоже умерла, – сообщила я.

По его лицу пробежала тень.

– Не знал, – проговорил он. – Жаль, наверное. Да, наверное, жаль.

Я кивнула.

– Пожалуй, мне и самой жаль.

– Ладно. Бывайте.

Он вышел, и дверь захлопнулась.

Глава 8

Напротив конюшен возвышался особняк Тортонов, массивный и роскошный, как настоящий дворец. Внутри я никогда не бывала. Даже с фасада никогда не заходила. В тот день я шаталась по конному двору, с нетерпением посматривая то и дело на пустые высокие окна.

– Почему Мэгги до сих пор не приехала? – спросила я у Фреда.

– Ещё пару дней подожди, – ответил тот. – Приедет, под Рождество приедет.

Можно было бы подумать, что больница научит меня терпению, но не тут-то было. Мне ведь хотелось, чтобы Мэгги, чтобы солнце и лето, чтобы галопом по полям, а тут промозглый дождина, да будь добра тащись как улитка, пока ноги слабые. На утренние работы я надевала старые Мэггины боты, но к тому времени, как пора было возвращаться домой, ноги успевали промокнуть до нитки. Сьюзан постоянно суетилась вокруг меня – хотя суетилась она вообще без перерыва. В доме, конечно, была кой-какая мебель, но из вещей далеко не всё, и нам вечно чего-нибудь не хватало, а о том, чтобы это купить, можно было и не думать. Из-за войны магазины почти совсем опустели.

В какой-то момент Сьюзан посетовала:

– Даже не знаю, что мы будем есть на Рождество. Мясник ведь на нас не рассчитывал. – Чтобы купить еду, которую продавали по карточкам, надо было вначале отметиться в соответствующем магазине и внести там свою карточку в реестр, чтобы на тебя получили норму. Конечно, сделать это нужно было заранее. Мясо продавали по карточкам. Как и бекон, как и сливочное масло, и маргарин, и чай. А ещё мармелад, конфеты, и вообще всё, что хоть сколько-то приятно есть. К счастью, детство у нас с Джейми было достаточно голодным, чтобы отбить манеру привередничать.

– Это как же, Рождество БЕЗ ГУСЯ?! – вскинулся Джейми.

Ну, видимо, у Джейми не отбило. А может, житьё у Сьюзан его так избаловало. Но не меня. На прошлое Рождество у нас был жареный гусь – мой первый в жизни жареный гусь, на моё первое в жизни настоящее Рождество. На обед мы тогда ещё пригласили трёх лётчиков с соседнего к нам аэродрома. Теперь уже никого из них не осталось в живых.

Лётчики умерли. Мама умерла. Полковник умер. Вся семья Стивена умерла.

Я попробовала посчитать, загибая пальцы. Пришлось загнуть все, сколько было. Десять человек.

У меня перехватило дыхание.

– Пора готовить обед, – выдавила я. – Джейми, пошли. Там ещё посуда с завтрака осталась, иди помой. – Джейми катался по ковру в обнимку с Боврилом. – Давай, берись за дело.

– Да оставь ты его в покое, – бросила со своего места Сьюзан. – Посуда подождёт.

Я ткнула Джейми в бок.

– А ну шевелись! – Прикрикнула я и сама двинулась на кухню. – Может, надо что-нибудь купить? Я схожу в город.

Сьюзан подняла голову.

– В такой-то дождь? Да ну, не стоит. Потом. Обойдёмся тем, что есть.

– Я хочу быть полезной!

– Сядь и порешай-ка мне лучше примеры с дробями. Куда полезней.

В школу я никогда не ходила. Надеялась пойти после операции, но к тому времени школу в нашем посёлке закрыли, потому что во время Битвы за Англию большинство местных ребят эвакуировали подальше на север. Так что Сьюзан просто продолжила со мной заниматься сама, дома, как раньше.

С этими дробями вечно было как-то тупо. Чем больше число внизу, тем меньше в итоге значение – а кажется-то, что должно быть наоборот. Пять, к примеру, больше, чем три; но одна

третья почему-то больше, чем одна пятая. А Сьюзан ещё хочет от меня, чтобы я их каким-то образом сложила, $1/3 + 1/5$, хотя там три, а там пять.

Я уставилась в окно на дождь.

Сьюзан поставила передо мной кружку водянистого чая. На чай тоже стояла норма, и на такую заварку, как я люблю, покрепче, его никогда не хватало.

– Ты не торопись, – посоветовала Сьюзан. – Давай нарисуем.

Для дробей она тоже приучила меня рисовать карту: полторта, треть, пятая доля. Примерно как для окрестностей, только немного по-другому.

– Сплошные драконы, – буркнула я и воткнула карандаш в бумагу. Кончик хрустнул.

– Это да, – согласилась Сьюзан и вручила мне перочинный ножик, заточить карандаш. –

Причём математические, они хуже всего.

– А я думала, ты любишь математику, – удивилась я. Сьюзан рассказывала, что учила её в университете, где-то в Оксфорде, или как-то так.

– Люблю. Но её драконы самые суровые.

Внезапно дверь распахнулась. В комнату влетела Мэгги.

– Ада! – воскликнула она. – С Рождеством! Я приехала!

– Мэгги! – Я вскочила и обвила её руками. – Наконец-то!

– Наконец-то! – рассмеялась она. – Ничего себе! Ну ты даёшь! Без всяких костылей!

– И в обуви! – воскликнула я.

– И не больно?

– Почти совсем не больно! Хочешь посмотреть?

– Ещё бы!

Я сняла всё с ноги и поставила ступню на пол. В лодыжке она гнулась уже на добрый сантиметр – раньше о таком и думать было нечего. Мэгги пробежалась пальцами по шраму.

– Потрясно, – заключила она. – Расскажи, как всё прошло.

– Ой, там много всего, – гоготнула я.

Сьюзан внесла в комнату три новые чашки жиденького чая.

– Мэгги, ты же с нами пообедаешь? – спросила она.

Но Мэгги скусила личико.

– Не могу, – протянула она. – Обещала маме в магазин сходить. Экономка простудилась, мама сказала, ходим сами. Но зато у меня новости. Мы приглашаем вас всех к нам на Рождество. Папа приедет почти на целую неделю, Джонатана отпустят на четыре дня, начиная с завтрашнего, и...

– И у вас получится отличный праздник в тесном семейном кругу, в который нам не следует влезать, – закончила за неё Сьюзан.

– Нет, нет, уж пожалуйста, влезьте! – замахала руками Мэгги. – Вот именно что семейного круга нам не надо. Нам надо, чтобы было весело! Ой, Ада, угадай что? На день подарков мы устроим бумажную погоню! Джонатан обещал в письме.

День подарков был следующий после самого Рождества. А вот что такое бумажная погоня, я понятия не имела.

– Ну, «собаки и зайцы»! – попыталась объяснить Мэгги. – Вроде как лисья охота, только без лис, и не охота. Ой, будет потрясно. Вот увидишь...

Неожиданно её глаза расширились, и лицо приобрело напуганный вид.

– Что? – спросила я.

Она дотронулась до моей чёрной ленты на плече.

– У тебя повязка... – пробормотала она.

– А, ага. – Я тоже машинально потянулась к ней и случайно коснулась пальцев Мэгги. – Это мне Сьюзан сшила. – Сьюзан нам всем сшила, чтобы как у Стивена. Чёрное сукно нашлось в каморке за кухней, видимо, на светомаскировку. Это её Джейми попросил, а потом и я тоже. –

Она траурная. Такие носят в знак скорби, – пояснила я. – Скорбь – это не то же самое, что скорб, это очень большое горе по кому-то. Обычно когда кто-то умирает.

– Знаю, – кинула Мэгги. – Мне очень жаль насчёт твоей мамы. Чёрт, надо было сразу сказать, а я тут...

– Да не, это не по маме, – встрял Джейми. – Это по Билли Уайту.

– И по маме тоже, – быстро добавила я. Вообще-то по ней не планировалось – я ведь про траурные повязки и знать не знала, когда она умерла; но мне не хотелось, чтобы Мэгги считала меня бессердечной. Потому что кто ж не будет по собственной матери траура носить?

– По какому ещё Билли Уайту? – спросила Мэгги. – Я знаю только Стивена Уайта.

Мы пояснили.

– Какой кошмар, – ужаснулась Мэгги. – Самое плохое, что может случиться.

– И полковник тоже, – добавила я. Ну и лётчики, хотя как их звали, я уже не помнила.

– Да, насчёт полковника мне мама писала, – ответила Мэгги. – А насчёт семьи Стивена нет. – Она покачала головой. – По-моему, она думает, что если не сообщать мне про плохое, то я ничего не узнаю и не буду расстраиваться. – Она вздохнула и добавила: – Это в разгар-то войны.

Звучало не очень логично. Скорей всего, про Стивена леди Тортон просто забыла. Про самое важное она вполне могла и забыть.

В комнату неслышно прокрался Боврил. Джейми сгрёб его в охапку и объявил:

– Ему я тоже скорбную повязку сделал. – Почесал коту между ушами и добавил: – Только он её зажевал.

– Коты не умеют скорбеть, – сказала я.

Джейми зыркнул на меня исподлобья.

– Коты скорбят ещё как! – пробухтел он. – Они просто не любят повязки.

Мэгги пробыла у нас всего с полчаса. Под конец она обвела комнату глазами и сказала:

– Что-то у вас совсем мрачно. Как вы вообще здесь живёте? Тут даже без маскировки и то, как в пещере.

– Мы и есть в пещере, – заявил Джейми. – Мы переселились в эту пещеру, потому что тут суше, чем на дереве.

– Это из «Швейцарского Робинзона», – пробормотала я и глаза закатила.

– Да-да, но разве там у этой семьи Робинзонов не было ни ковриков, ни занавесок? Или рамок там каких-нибудь?

– Сюзан говорит, что сошьёт занавески, как только сможет, – ответила я.

– Её швейная машинка погибла в бомбёжке, – вставил Джейми.

– Ах, точно, – кивнула Мэгги. – Видимо, ваши коврики и занавески тоже там погибли.

Гибли все и всё, но этого я решила не говорить. Мэгги и так понимала, что сейчас война.

Я проводила её до тортоновского особняка. Дождь закончился, но небо по-прежнему было темно и пасмурно, дул сильный ветер.

– Даже не знаю, что и думать насчёт твоей мамы, – призналась Мэгги. – Я знаю, что ты её боялась. И что она была ужасная, тоже знаю.

Я подняла воротник повыше, спасаясь от холодного ветра. На очередной барахолке Сюзан сыскала мне зимнее пальто, только оно было маловато. Сюзан собиралась его немного подраспустить.

– Только не говори, будто рада, что она умерла, – сказала я Мэгги. – Не хочу это слышать.

– Ну что ты, конечно, нет! – поразилась Мэгги. – А у тебя точно больше никого не осталось? Может, бабушки с дедушками? Или тёти-дяди?

– Не, не думаю, – пожалала я плечами.

– Тогда, видимо, Сюзан тебе теперь как бы мать, – заключила Мэгги.

– Нет, – отрезала я. – Она наш опекун. – Документы уже пришли и лежали у меня в коробочке.

– И это лучше, чем мать?

– Конечно.

На конном дворе я обняла Мэгги на прощание, потрепала Коржика по холке и отправилась домой по хлюпкой тропинке. Я уже почти дошла до дома, когда услышала крик Джейми.

Глава 9

Короткий вскрик, и сразу глухой стук. Потом тишина. Я ринулась к дому.

Немцы! Всю весну и лето мы готовились к высадке немецких войск на берегах Англии. Наш городок лежал у самого моря, прямо через пролив от оккупированной немцами Франции.

Никаких выстрелов не послышалось. Если немцы – что бы они сделали с Джейми? Пристрелили бы? Забрали? У меня перехватило дыхание. Ноги увязали в мёрзлой слякоти. Я зачистила что было сил.

Последний поворот тропинки, вот он дом. Под деревом перед самым домом раскинулся Джейми, один, не шелохнётся.

Мёртвый. О, нет. Джейми!

Я кинулась к нему. Он лежал на холодной сырой земле, неподвижно, чёлка упала на лоб. Одна рука поперёк тела, другая сбоку, изогнулась неестественно. В том месте изогнулась, где должна ровно идти. Я плюхнулась рядом на корточки, зарыдала. Схватила его за плечи...

– Не трогай!!! – слышу крик Сюзан. Смотрю, она из дома ко мне бежит.

Я застыла.

– Он мог повредить шею, – говорит. – Не шевели его.

Это уже выше моих сил. Без Джейми я умру.

– Он жив, – говорит Сюзан. Положила мне ладонь на плечо и показывает: – Видишь, дышит? Смотри на грудь.

У меня на глазах рубашка, белевшая в разрезе пальтишка, еле заметно колыхнулась вверх-вниз.

– Видимо, ударился головой и потерял сознание. – Сюзан подняла на меня глаза. – Можешь сбегать на конюшни? Надо попросить Фреда, пусть вызовет помощь по телефону.

Я замотала головой. Вот так, на сырой земле, я Джейми одного не оставляю.

– Ладно. Я схожу. Только не трогай его, поняла? Если очнётся, проследи, чтобы лежал не двигался.

Я кивнула. Коснулась его ладошки.

– Обещай, – требует Сюзан.

Я снова кивнула. Слезы по щекам в три ручья.

Сюзан побежала к конюшням. Раньше на моей памяти она никогда не бегала. Ветер поднялся, зашелестел в кронах. Затеребил волосы Джейми. Мне показалось, он такой холодный лежит. Если накрыть его одеялом, это будет считаться, что я его трогаю? Но за одеялом надо идти в дом. Но оставить Джейми я не могу. Но так он может совсем замёрзнуть...

Очень быстро – куда раньше, чем я ожидала, – на подъезде к особняку послышался шум автомобиля. Я подняла голову. Нет, не Сюзан, и не Фред, и даже не доктор Грэм. Леди Тортон, высокая и стройная в своём элегантном шерстяном пальто. Она выпрямилась и вскинула голову, увидела меня, улыбнулась и махнула рукой.

– Маргарет ещё у вас? – спрашивает. Тут заметила Джейми, лицо моментально застыло. Бросилась к нам.

– Он, наверно, по дереву лазал и упал, – лепечу я. – Сюзан убежала за помощью.

– У меня же машина, можем отвезти его, – предлагает леди Тортон.

– Сюзан велела его не шевелить.

– Да, пожалуй, это правильно. Тогда я пойду найду Сюзан. Или тебе хочется, чтобы я осталась с тобой?

Я, конечно, головой замотала. Леди Тортон стряхнула с себя пальто и вокруг Джейми его обернула.

– Подоткни сама по краям, – говорит. Сверху как раз начинало снова накрапывать. – Я постараюсь вернуться как можно скорее.

Я склонилась над Джейми, чтобы на него не капало. Сижую смотрю, как грудь под рубашкой вздымается и опускается. Ветер задул сильнее, меня от холода колотит... Вдруг реснички у Джейми как вспорхнут. Вздохнул и повернул голову на бок.

– Не шевелись!!! – вскрикнула я.

А он взял и глазки открыл. На меня прямо волна облегчения накатила. Я чуть сама в обморок не грохнулась.

– Рука... болит, – бормочет Джейми. – Очень. И голова.

– Не шевелись, – говорю.

Джейми нахмурился и на меня глаза перевёл.

– А где мама?

Раньше мама никогда его не успокаивала, всегда только я.

– Это я, Ада, – говорю. – Я здесь, рядом. Не шевелись пока. К нам уже скоро придут, помогут. Всё будет хорошо.

– Хочу маму, – шепчет Джейми. И в уголках глаз – слёзки.

Вскоре вернулась леди Тортон на машине, привезла Сьюзан.

– Мама, – проговорил Джейми и попытался встать. Но Сьюзан не дала ему подняться. Она уложила его голову к себе на колени и сидела, гладила его по волосам. Через несколько минут подкатил автомобиль доктора Грэма. К этому моменту мы успели удостовериться, что Джейми способен чувствовать и двигать ногами и кистями рук. Сьюзан сказала, это хорошо. Это значит, сказала она, что шею он, скорее всего, не сломал.

Он сломал руку. Она лежала изогнутая, потому что в ней сломались кости.

В итоге теперь у него калечная рука, как у меня была раньше калечная нога.

Доктор Грэм примотал ему к руке палки и всё хорошенько забинтовал. Помог Джейми встать и повёл к машине. Джейми оглянулся на нас с полными страха глазами.

– Ма-ам? – протянул он.

– Она тебе не мама, – сказала я.

Сьюзан обняла меня за плечи.

– Пойдём, – сказала она. – Мы тоже едем.

У себя в кабинете доктор Грэм выпрямил Джейми руку. Тот взвыл. Я заткнула уши. Внутри всё сжалось. Потом доктор заковал ему руку в гипсовый каркас вроде того, который накладывали мне на ногу в больнице. Ещё сказал, что у Джейми сотрясение, то бишь он головой слишком сильно ударился. Нам было велено то и дело будить его среди ночи, чтобы проверить, не повредилось ли у него сознание.

– Я сделаю, – сказала я. Уже решила, что буду спать в его комнате.

– Тебе самой надо выспаться, – возразила Сьюзан.

– Я хочу, чтобы мамочка, – вставил Джейми.

– Прекрати её так называть!

– Ада, успокойся, – вмешалась Сьюзан. – Уф, ну и дела. Ничего, всё наладится.

Не наладится. Джейми теперь калека. И никто его больше не будет любить. Как меня.

В домике на кухне нас ждали леди Тортон и Мэгги. Увидев Джейми, они запричитали и засуетились.

– Мой сын Джонатан тоже как-то раз сломал руку, точно так же, как и ты, – сообщила леди Тортон. – Когда падаешь с высоты, нельзя цепляться за ветки. Надо втянуть руки-ноги в себя, сгруппироваться, принять толчок на плечи и перекатиться.

Джейми так и устался на неё. Леди Тортон добавила:

– Это на всякий случай. Будешь знать в следующий раз.

– В следующий раз он ни по каким деревьям лазать не будет, если он с них падает, – заявила я.

– Чуть! – возразила леди Тортон. – Все мальчишки лазают по деревьям.

С собой леди Тортон принесла горячей еды – что там их экономка потушила, и пока нас не было, заварила крепкого свежего чая, целый чайник.

– Воду пришлось кипятить в кастрюле, – пожаловалась она. – Чайника я так и не нашла. Мне как-то казалось, что тут больше всего.

– Да нет, дом просто чудесный, – зачастила Сюзан, – в самом деле, мы очень благодарны. Леди Тортон пожала плечами.

– А, всё равно без пользы простаивал – глупо не предложить. Тем более, когда вам так нужна крыша над головой. . .

Есть Джейми не хотел, и Сюзан отвела его наверх. Я села за стол рядом с Мэгги.

– Что ж, такого поворота событий никто не ожидал, – сказала леди Тортон. – Я-то, Ада, изначально на твою ногу посмотреть приехала.

Показать ногу Мэгги я была только рада, но леди Тортон – ни за что.

– Спасибо-не-надо, – сказала я.

Улыбка на её лице неловко застыла.

– Ну же, не глупи.

Но это не глупость. Это привычка, с детства, всю жизнь – прятать свою правую.

Однако леди Тортон так просто не сдаётся. Такое каменное выражение лица любому даст это понять.

– Ма. . . – вмешалась было Мэгги.

– Ну же, – постучала леди Тортон пальцами по столу. – Ада, я всё-таки проявила к тебе интерес. И хочу удостовериться, что есть прогресс. Давай, показывай.

Вот в этом «проявила к тебе интерес» чётко звучало «заплатила за твою операцию». Выбора не оставалось. Я расстегнула туфлю, сняла. Взялась за чулок. Дыхание перехватило, пальцы начали дрожать. Справилась с чулком, выставила ногу вперёд, сама – глаза в пол. Жду.

– Хм-м, – промычала леди Тортон и наклонилась поближе. Протянула руку, видимо, потрогать – я тут же ногу отдернула. – По-моему, неплохо они постарались, а? Как ощущения?

– Нормально, – прохрипела я.

– Ну и замечательно. Я так рада за тебя.

А я не рада ни капли. В голове мамин голос: «Хорошие люди такое уродство не потеряют».

Но леди Тортон – не хорошая. Она жёсткая. Громкая. Пробивная.

Она принесла нам горячий ужин и укрыла Джейми своим пальто. Она заплатила за мою операцию. Конечно, мне положено чувствовать благодарность. Но чувствовать любовь мне никто не прикажет.

Глава 10

Спать я легла всё-таки у себя, Сюзан настояла. Себе она завела будильник, чтобы ночью регулярно проверять, как там Джейми.

А мне и так было не уснуть. Мышцы дёргались. В голове мелькали картинки: Джейми, распластанный на земле, бледное лицо Стивена, искажённое страданием, мама. Мама, мама, мама.

Но мама умерла. Больше она нам ничего не сделает.

Не могу, не могу забыть её.

В конце концов я стянула с кровати одеяло с подушкой и на цыпочках пробралась в комнату Джейми. Он спал, откинув голову на составленные горкой подушки и приоткрыв рот. Слегка посапывал. Рядом сопел и Боврил, приютившись у Джейми под одеялом.

Я завернулась в своё и легла на пол. Отсюда Джейми мне было не видно, зато слышно его дыхание.

Я ещё не спала, когда Сюзан споткнулась об меня в темноте.

– Ада! Марш обратно в кровать, – скомандовала она мне. – Я же сказала, я о нём позабочусь.

– Это моё дело, заботиться о нём. Не твоё.

– Вообще-то нет, – заметила Сюзан. – Теперь нет. Иди спать. – И она попыталась поднять меня, но я специально обмякла мешком и легко выскользнула у неё из рук. – Ой, ну и ладно, – сказала она в итоге. – Лежи где лежишь. Только постарайся заснуть. А Джейми я беру на себя.

И я поспала немного. Но просыпалась каждый раз, как у Сюзан звенел будильник. Я следила, как Сюзан трясёт Джейми за плечо, слушала, как она задаёт ему вопросы, чтобы проверить, работает ли у него голова.

Видела, как она целует его в лобик.

Слышала, как он называет её мамочкой.

Утром Джейми поднялся усталый и недовольный, но зато определённо живой. Вылез из кровати и наткнулся на меня.

– Что ты делаешь у меня на полу? – хмуро пробухтел он.

– Я о тебе заботилась.

– Ничего ты не заботилась. – И побрёл себе в ванную.

Внизу я рассказала Сюзан, что подумала вчера на немцев.

– Когда услышала, как Джейми кричит. Решила, нас оккупировали.

– Понимаю, – кивнула Сюзан. – Но думаю, оккупации не будет, по крайней мере, до конца зимы. Так говорят. Потому что мы же выиграли в этой битве, Битве за Англию.

Как раз во время неё и умерли наши лётчики. Во время неё уехали в эвакуацию местные ребята.

Сюзан заглянула в чайник и вздохнула.

– Тут так много осталось со вчерашнего. Жалко выбрасывать. – И она отжала остатки заварки в ковшик и поставила на плиту разогреваться. Меня передёрнуло. Ненавижу разогретый чай. – Овсянку будешь? – спросила Сюзан.

Я кивнула. Послышался голос Джейми – он распевал, спускаясь по лестнице. Звучал он вроде нормально. Относительно спокойно. Даже на пострадавшего не особо-то похоже.

Сюзан подошла ко мне и встала рядом.

– Ада, насчёт того, что ты сказала вчера ночью...

Я сразу поняла, что она имеет в виду.

– Мне тоже положено заботиться о Джейми, – заявила я. – Всю жизнь.

Сюзан присела за стол и похлопала ладонью по соседнему стулу, пока я тоже не села.

– Ты всю жизнь будешь его старшей сестрой, – сказала она. – И ты замечательно заботилась о нём всю жизнь до этого. Но теперь это моя обязанность, заботиться о вас обоих. И отныне всю жизнь будет. Позволь мне её исполнять. Я буду ваш взрослый. А ты теперь будешь ребёнок.

Можно подумать, Сьюзан теперь просто возьмёт и будет сама за всё в ответе.

– Что бы ты сделала, – продолжила Сьюзан, – если бы разбудила его ночью, а он лыка не вяжет?

– Потрясла бы его. Прикрикнула бы как следует, пока не заговорит по-человечески.

– А если бы не сработало? – покачала головой Сьюзан. – Неужели бы стала злиться на него за то, что он сделать просто не в состоянии? Что-то на тебя не похоже.

– Ну, не злиться...

– Так что же?

Откуда мне знать. Половину из того, что говорил доктор Грэм насчёт сотрясения, я пропустила мимо ушей. Слишком нервничала из-за Джейми, из-за его сломанной руки. Но раньше всегда было ясно, как о нём позаботиться.

– Вот. А я знала, что надо делать, – сказала Сьюзан. – Я следила, чтобы он просыпался настолько часто, насколько требуется. И если бы понадобилось, я бы сумела позаботиться о нём должным образом. – Она твёрдо посмотрела мне в глаза. – Так же, как я забочусь о тебе.

Свои туфли я ещё не надевала, и сейчас согнула пальчики на правой ноге. Те самые, которые теперь смотрели вниз, как положено. В кои-то веки.

– Дыши, – приказала Сьюзан.

Я постаралась дышать. Вдох. Выдох.

– А у Джейми теперь... – начала я, – у него в итоге... ну, это...

Она ждала.

– У него теперь навсегда рука калечная останется? – выдавила я.

– Нет, – ответила Сьюзан.

Я сглотнула.

– Через месяц-другой он будет в полном порядке. – Она слегка коснулась моего плеча, как она обычно делала, чтобы вернуть меня к реальности, когда я уходила в свои мысли. – Ты бы тоже была сейчас в полном порядке, если бы тебе при рождении предоставили должную медицинскую помощь.

Вот именно за это я ненавидела маму больше всего – за то, что всю мою жизнь у меня могла быть нормальная нога.

Сьюзан встала и пошла наливать чай. Я сделала глоток. Мерзкая горькая жижа.

– Ещё столько всего я не знаю, – сказала я.

– Все мы чего-то не знаем, – откликнулась Сьюзан. – И постоянно узнаём новое.

Это было мило с её стороны, так мне ответить. Понятно же, что неправда.

В кухню вошёл Джейми.

– Хочу есть, – заявил он. – Можно мне овсянки, двойную порцию?

– Можно, – ответила Сьюзан. – Сейчас будет. – Она встала и помешала кашу ложкой.

– А можно в неё побольше сахара? – спросил Джейми.

– Нельзя, – отрезала Сьюзан.

– Но я очень-очень раненый и очень-очень хочу есть, – затянул Джейми и взглянул на Сьюзан снизу вверх сквозь свои длиннющие ресницы. – У меня ушибленная головка и сломанная ручка.

Даже мне было ясно, что всё с ним нормально.

– Овсянки можешь есть столько, сколько душе угодно, – ответила Сьюзан, – но только без сахара. На сахар у меня другие планы. – И она наклонилась и поцеловала его в макушку.

Вот так просто взяла и поцеловала.

Как же это просто всегда для Джейми.

– Сегодня у тебя будет день отдыха, – велела Сюзан. – Будем время от времени ложиться вздремнуть. Если самочувствие не ухудшится, завтра вечером сходим в церковь, как планировали. – Это значит, на рождественскую службу.

– Я думала, ты умер, – сообщила я Джейми. Он уставился на меня. – Ну, когда увидела, как ты лежишь. Думала, ты умер, и я тоже умру.

– А ты-то почему умрёшь? – не понял Джейми. – Ты же не падала с дерева.

Я сглотнула. Не смогла ничего выговорить.

– Потому что это была очень страшная картина, – ответила за меня Сюзан. – Но теперь всё хорошо.

Я тряхнула головой. Падают бомбы с неба, падают мальчики с деревьев. Всё может случиться. В любой момент.

На продавленном диванчике в гостиной Сюзан соорудила для Джейми берлогу из одеял и подушек. Прочитала ему восемь глав из «Швейцарского Робинзона». Я в это время сидела у камина и старалась дышать и не волноваться. Вдох-выдох.

– А есть книжки про драконов? – спросила я у Сюзан, когда она остановилась.

– Есть, – ответила Сюзан. – Считается, что святой Георгий Победоносец, покровитель Англии, убил змия, то есть, по сути, дракона. Наверняка про это есть истории. Я попробую поискать.

Днём, пока Джейми спал, я вышла из дому, одолжила у Фреда топор и в одиночку срубила маленькую куцую ёлочку. Ёлочку я втащила в дом и водрузила торчком у камина. Вышло убого. Всякие ёлочные украшения и огоньки, бывшие раньше у Сюзан, взорвались вместе с домом, а новых было нигде не купить. Даже цветной бумаги, чтобы смастерить самим, мы не смогли отыскать.

– Это будет военная ёлка, – сказала Сюзан и повесила на неё несколько цветных пуговиц, да ещё перо, которое я нашла во дворе. – Такое вот военное Рождество.

В прошлое Рождество мне не давали покоя жуткие воспоминания. Я сказала:

– Нам с Джейми никакое Рождество не нужно. Мы без него привыкли.

– Знаю, – ответила Сюзан. – Но я сама так люблю Рождество. Мне хочется весёлого Рождества, и очень хочется, чтобы у вас оно тоже было.

А мне не хотелось, чтобы Сюзан надеялась меня развеселить. Не хотелось её разочаровывать. Не хотелось опозориться у Тортонов. Чем ближе надвигался праздник, тем меньше мне хотелось о нём думать.

Вечером в канун Рождества мы пошли в церковь, как хотели и в прошлом году. Красивого платья у меня теперь не было. Сшить мне новое без машинки Сюзан не могла, а те платьишки, что она приносила с базара, пока я лежала в больнице, были не нарядные. Так что в этом плане всё было хорошо. Правда, Сюзан настояла, чтобы я повязала на волосы ленту. Но когда она отвернулась, я ленту стянула.

– Это просто церковь, – сказала мне Сюзан. – Ничего такого, не волнуйся.

В церкви пахло чем-то вроде специй, ещё свечным воском и мокрой шерстью. У алтаря стоял игрушечный домик, вроде конюшни, а внутри деревянные фигурки, овцы там всякие, коровки.

– Это вертеп, – пояснила Сюзан. – Дева Мария, Иосиф и младенец Иисус.

– Что-то лошадей нету, – заметила я.

– Ой нет, это же Вифлеем, – ответила Сюзан. – Там только ослы.

Но почему? Я уже хотела рассердиться, но тут Сюзан открыла сборник гимнов и дала мне в руки, и я смогла прочитать гимн! И притом достаточно быстро, чтобы успевать за хором. Мелодию уловить тоже оказалось несложно.

И вот, я стояла в этой самой церкви, на обеих ногах, без всяких костылей, в собственных туфлях. Я читала и подпевала. Я дошла сюда сама, хотя путь был неблизкий. Мне захотелось сохранить этот момент в памяти. Я постаралась прочувствовать своё счастье, но из-под счастья пробивалось раздражение, и оно будто распирало меня всю, точно кожа вот-вот прорвётся. Может, я больше и не калека, но кто я теперь – этого я не знала.

Дома Сюзан велела нам развесить на камине чулки и разогнала по комнатам. Наутро мой чулок оттягивало нечто такое, чего я ни за что не ожидала – да и никогда не хотела.

Глава 11

Кукла. Мягкая тряпичная кукла с вышитыми глазами и застывшей улыбкой. Волосы длинные коричневые, сзади заплетены в косички, как у меня, и косички с тоненькими зелёными ленточками, вроде той, что мне подарила Сюзан. На кукле зелёное платье и крохотные тканевые туфельки.

Стою смотрю на куклу в недоумении.

– Я же не маленькая, – говорю в конце концов.

– Это я специально для тебя сшила, – тихо-тихо отвечает Сюзан.

Конечно, очень трогательно с её стороны. Мне, разумеется, надо поблагодарить её. Но я совсем, ну вот совсем не хотела никаких кукол.

– У сестёр Стивена Уайта были куклы, – говорю и сама слышу, как голос начинает звенеть. – У всех девочек на нашей улице были. – И я всё время смотрела из окна, как они играют со своими куклами внизу на крылечке.

Я пихнула куклу Сюзан в руки.

– А у меня не было! – выпалила я.

– Теперь это можно исправить, – говорит Сюзан.

– Нет!

Что я буду с куклой делать? Наряжать-причёсывать? Разговаривать с ней? Прикидываться, точно я как те маленькие девочки с нашей улицы, которые, значит, росли в компании подружек, в семье с добрыми мамами и бегали на двух ножках?

Раз за разом твердила я себе, что на это Рождество буду держать себя в руках. Что не буду биться и кричать. А теперь так и распирает от ярости и обиды. Что делать, ума не приложу. Стою и буравлю глазами Сюзан.

Она куклу в карман халата сунула, развернула меня за плечи и к двери толкает.

– Так, быстро наружу, – командует. – Бегом вокруг дома, несколько раз. Со всего духу.

Ко мне Джейми подсказывает и давай:

– Мамамочка сделала мне игрушечного котика, смотри, смотри!

Сюзан его в сторону отодвигает:

– Не сейчас, Джейми. Аде нужно выпустить пар.

Я даже пальто не надела, вывалилась наружу прямо так. Побежала по заиндеветшей траве. Помню, как морозный воздух царапал лёгкие, а я бегала кругами, пока не начала потеть, пусть и холод собачий. Правая нога ныла, но Сюзан была права. Мне стало лучше.

Свои рождественские подарки я связала, пока лежала в больнице. Для Сюзан и Джейми я сделала по паре варежек из ярко-красной шерсти. Ими я гордилась – ни единой дырочки, и правая варежка отличная от левой. Но когда мы стали собираться к Тортонам, мне бросилось в глаза, насколько этот пёстрый красный выбивается из всего, что носит Сюзан: зимнее пальто тёмно-зелёное, вязаная шапка – синяя.

– Можешь их не надевать, – сказала я Сюзан.

– Но они мне нравятся, – ответила она. – Аккуратные, и рукам тепло.

Раньше, до того, как дом разбомбили, у неё были отличные кожаные перчатки.

Будь у меня возможность выбирать самой шерсть для подарка, может, я бы выбрала цвет получше – если бы в магазинах вообще было, из чего выбирать. Но там, скорее всего, не было.

Я насупилась.

Чем меньше оставалось до особняка Тортонов, тем труднее мне становилось дышать.

– Расслабься, – посоветовала Сюзан. – Они же наши друзья.

В руках у неё был небольшой тортик, подарок Тортонам. На него ушли почти все остатки месячной нормы по сахару. Мы поднялись по каменным ступеням к массивной парадной двери.

– Ада, если вдруг тебе надо будет успокоиться, – наскоро сказала Сьюзан, – просто скажи: «Простите, я отлучусь ненадолго», – и можете пойти прогуляться вдвоём с Мэгги. Зайдите на конюшни, загляните к Коржику.

Я кивнула.

Не успели мы постучать, как дверь распахнулась. На пороге стоял лорд Тортон, одетый в нечто вроде нарядной военной формы, и протягивал нам руку.

Раньше я видела его только один раз издали; вблизи ни разу не доводилось. Он оказался просто огромным – только не толстым, а высоким, и таким широченным, что еле уместился в дверной проход.

– Милости просим, – пробасил он глубоким тоном.

– Милости просим, – эхом отозвалась я и вскинула на него глаза, не решаясь дотронуться до протянутой мне руки.

Лорд Тортон стоял и моргал глазами. Я перепугалась, что делаю что-то не то.

– С Рождеством, – воскликнула Сьюзан, освободила правую руку и пожала ладонь лорда Тортона.

Джейми прошмыгнул мимо нас в громадный вестибюль.

– Ни-че-го се-бе! – завопил он. – Тут прямо на самолёте можно летать! На настоящем! На спитфайре!

Ну, на спитфайре, может, и нельзя, но воздушного змея запустить точно можно.

– Джейми, – крикнула Сьюзан, – а ну-ка иди сюда и пожелай лорду Тортону счастливого Рождества!

– У-и-и-и! – завизжал Джейми и помчался по гладкому полу.

– А ну-ка иди сюда, парень! – показался вдруг другой великан, очень похожий на лорда Тортона, только молодой и совсем не такой величественный. Он схватил Джейми поперёк пояса, вскинул на плечо и доставил обратно к лорду Тортону. – Давай-ка, поздоровайся за руку, как положено джентльмену, – повелел он.

Джейми, хохоча и свисая вниз головой, пожал руку Тортона левой – той, что без гипса.

Великан поднял его повыше на плечо и улыбнулся мне.

– Я Джонатан Тортон, – представился он. – А ты, должно быть, подруга моей сестры.

Я пожала ему руку.

– Ада Смит, – сказала я, потихоньку приходя в себя и вспоминая про манеры. – Рада с вами познакомиться, лейтенант Тортон. – Это меня Сьюзан научила так сказать.

Он наклонился поближе.

– Зови меня Джонатан. У нас в ВВС звания не в чести. А я тебя буду звать просто Адой, договорились? С Рождеством!

Мэгги влетела в вестибюль ровно в тот момент, когда лорд Тортон предлагал Сьюзан нечто под названием аперитив.

– С Рождеством! – воскликнула она. – Я так рада, что вы пришли! – И добавила мне на ухо: – Ужин будет просто отврат. Заглянула сейчас на кухню – мама рвёт и мечет.

Я шепнула в ответ:

– У нас торт.

Лорд Тортон проводил нас в до ужаса помпезную комнату с лоснящейся мебелью, расписным ковром в цветах и книжными шкафами на всю стенку, от пола до потолка. Что и говорить, особняк Тортонов был несравненно шикарней, чем старый дом Сьюзан, а лучше его я жилья не видала.

Я вцепилась Мэгги в руку.

– Боже, как хорошо, что хоть тебя я уже знаю, – пробормотала я. – Иначе мне бы тут так боязно было!

– Пф-ф, – закатила глаза Мэгги. – Это тебе-то? Да ты же у нас ничего не боишься.

У них в особняке оказалась целая отдельная комната, специально, чтобы в ней есть. Стол в этой комнате был такой большой, что за него спокойно уселись бы человек двадцать – и более того, у них на эти двадцать человек и стульев было достаточно. Все двадцать прямо тут в комнате и стояли, я посчитала. Часть у стола, остальные по стенкам.

Оттуда, где, надо думать, была кухня, вышла нервная на вид леди Тортон, и мы сели за стол. Перед каждым стояла тарелка, рядом с которой по три бокала, два ножа, три ложки и две вилки. Я так и застыла. Что с этим добром делать?

– Ой-ёй, – взвизгнул Джейми, – а зачем тут столько всяких вилок?

Лицо у леди Тортон перекопилось, точно Джейми пролил аперитив себе на штаны. Сюзан уже подалась вперёд, но тут вмешался Джонатан.

– Это запасные, если вдруг смахнёшь чего на пол. – Его улыбка озарила сидящих. – Верно, маман?

«Маман», очевидно, относилось к леди Тортон, потому что она немедленно улыбнулась в ответ.

– У нас будет три подачи, – сообщила она Джейми.

Подачи чего, я не поняла и, думаю, Джейми тоже.

– Ого, целых три! – поразился Джонатан. – Прямо какой-то праздник! У нас на службе столько не положено.

Джейми подался вперёд.

– Сейчас и есть праздник, – прошептал он.

– А, точно, – прошептал в ответ Джонатан. – Как тебе пока Рождество? Весёлое? С подарками, как полагается?

– Ага, мне всякое сладкое подарили, – сообщил Джейми. – И ещё котика. А Боврилу мышку.

– Прекрасно.

– Боврил – это наш кот, – пояснила я. – Настоящий, не игрушечный.

– Значит, мальчику – игрушечного котика, котика – игрушечную мышку? Или настоящую?

– Игрушечную, – простодушно удивился Джейми. – Настоящую он бы сразу сгрыз.

– А, ну отлично, – заключил Джонатан.

Я уже знала, что ужин будет готовить экономка Тортонов – единственная прислуга, оставшаяся у них из прежней свиты. Мэгги предупреждала, что готовить экономка не умеет, но мне как-то до конца не верилось, пока не внесли еду. Всё-таки готовить даже я умею. Сюзан меня научила. Ничего сложного.

Ужин начался с миски жирного пересоленного супа. К нему дали серый военный хлеб, который рассыпался в руках, и стебли сельдерея. Очевидно, это была первая подача.

Я съела всё подчистую. Меня и похуже кормили. Мне только спокойней стало, оттого что еда такая дрянная.

Джейми погрыз хлеба, к супу не притронулся, а сельдерейные стебли сложил в левой руке крестиком и стал выделывать им круги над тарелкой.

– Советую прекратить, – тихо скомандовал ему Джонатан, – а не то сошлют в детскую, хоть и Рождество.

Джейми похлопал ресницами и сложил сельдерейный самолётик на колени.

Сюзан с леди Тортон обсуждали тем временем какую-то добровольную пожарную охрану. Этим должны были заняться женщины из их Службы. Само это сочетание, «пожарная охрана», нагоняло тревогу.

– А чей это пожар они будут охранять? – спросила я. И главное, зачем?

– Надеюсь, ничей, – ответила леди Тортон. – Мы будем высматривать везде боевые и зажигательные снаряды. Со шпиля церкви.

Зажигательные снаряды были поменьше, чем боевые. Первые делались специально, чтобы взорвать, а вторые – чтобы поджечь. Я спросила:

– Как это, со шпиля? Как же вы туда заберётесь, для этого такая лестница длинная нужна!

– Да там ступеньки внутри, – улыбнулась Мэгги.

Я тоже улыбнулась. Когда я чего-то не знаю, а Мэгги знает, это ничего.

Потом внесли ростбиф, то есть большой кусок печёной говядины, и к нему большое блюдо с овощами и пышным йоркширским пудингом – такой дутой пампушкой из пресного теста. Пахло потрясающе, но мясо на вкус оказалось мерзкое, жёсткое и сухое, как опилки, точно его ещё вчера приготовили, а потом оно всю ночь в горячей духовке простояло.

Джейми что-то пробурчал себе под нос – наверняка опять из «Швейцарского Робинзона». Главное, чтобы вслух не сказал. Сюзан тем временем раз за разом пережёвывала единственный кусочек.

– Гхм-м-м, – подал голос лорд Тортон. – Ты, кажется, уверяла, что она умеет готовить, – и приподнял бровь на леди Тортон.

Та покачала головой.

– Я даже не думала, что можно сесть в такую калошу с ростбифом.

Калошу с ростбифом! Прямо так и сказала. Я даже подумать не успела, прямо приснула от смеха.

Мэгги аж на месте подскочила. Джонатан ухмыльнулся. В страхе я взглянула на Сюзан, но тут лорд Тортон и сам гулко гоготнул.

– М-да, – хмыкнул он. – Калоша с ростбифом, значит, м-м. Это сильно. – Он поднёс платок к глазам и заколыхался от мелкого смеха. Потом захохотал. Леди Тортон захохотала. Захохотали Сюзан с Джонатаном, Мэгги. И, в конце концов, я тоже успокоилась и рассмеялась ещё раз, вместе со всеми.

– А что же это у нас нет рождественских хлопушек? – спросил лорд Тортон. – Неужто больше нигде не достать?

Леди Тортон покачала головой.

– Жаль, жаль, – посетовал её супруг. – А мне думается, были бы сейчас все в дурацких коронах – и праздник бы куда глаже прошёл. – И он передал Сюзан соусник. – Вы подливочки, подливочки добавьте, всё ж помягче будет.

Где-то на середине нашей расправы над сушёной говядиной Сюзан повернулась к лорду Тортону и спросила:

– Возможно, вы могли бы помочь мне найти работу?

В удивлении я оторвалась от тарелки. Лорд Тортон поднял брови.

– Рабо-оту? – переспросил он. – Это какую же, к примеру?

– Что-нибудь в округе, чтобы не пришлось оставлять детей надолго. Леди Тортон предполагала, что у вас может быть на примете какой-нибудь подходящий проект. Что-нибудь с аналитикой, скажем...

– С анали-итикой? – удивился лорд Тортон.

– Ну да, с аналитикой. Или с иными вычислениями. Наверняка найдутся какие-нибудь текущие проекты, военные или производственные, не важно, что-нибудь незасекреченное. –

Лицо у Сьюзан постепенно розовело. Но она не отступала. – То есть, конечно, я уже многого не помню, но если подзубрить немного...

– Да будет тебе, – вмешалась леди Тортон, обращаясь к супругу. – Брось ты этот удивлённый вид. Забыл, какой у неё диплом?

– Ди-пло-ом? – Лорд Тортон утёр усы и обратился к Сьюзан: – Я вас исключительно как подругу Бекки Монтгомери знаю. Знаю, что вы тихоня и по сей день в девках сидите.

– Да ведь она же Оксфорд окончила! С дипломом бакалавра математики. И заметь, с отличием, – снова вставила леди Тортон.

– Оксфо-орд? С отли-чием? – Меня всё больше веселило, как лорд Тортон неустанно повторяет то, что ему говорят.

Сьюзан сидела уже совсем пунцовая, но когда заговорила, голос её звучал твёрдо:

– Я специализировалась по численному анализу.

– Шутите, – выдавил лорд Тортон.

Глаза у Сьюзан блеснули, и она подняла подбородок повыше. Она не шутила.

– Что ж, работу я вам, считайте, уже нашёл, – сказал лорд Тортон. – Знаю как раз подходящее учреждение. Детей надо будет отправить в школы...

– Ни в коем случае, – отрезала Сьюзан.

– Поверьте, это несложно. Ада может в принципе поехать с Маргарет, а мальчику мы подыщем прекрасное место...

Раздельно?! Не говоря уж о перспективе очутиться в этом великосветском пансионе, куда там Мэгги ездит. Да никогда.

– Нет, – твёрдо повторила Сьюзан. – И я, и дети должны остаться здесь.

Искру паники во мне тут же потушила волна облегчения, не дав ей разгореться.

– Но работа мне всё же нужна, – продолжала Сьюзан. – И мне бы куда больше хотелось применить своё образование, чем торчать где-нибудь на кассе, что, кажется, единственная реальная возможность устроиться у нас в городе.

– Поразительно, – проговорил лорд Тортон. – Невероятно. Я даже подозревать не мог...

– Что ж, надо признать, ты совершенно очевидным образом её недооценивал, – заметила леди Тортон. Она повернулась к Сьюзан и закатила глаза, и та слегка улыбнулась в ответ.

– М-да, приношу свои глубочайшие извинения, – заключил лорд Тортон и подлил себе соуса поверх ошмётков говядины на тарелке. – И да, пожалуй, я смогу вам кое-что подыскать. Пока не знаю точно, но я спрашиваю. Если что, я вам сообщу.

– Благодарю, – ответила Сьюзан.

После третьей подачи – тортика Сьюзан – мы перешли в соседнюю комнату. Тортоны раздали всем рождественские подарки. Джейми достался набор игрушечных солдатиков, которые когда-то были Джонатана. Сьюзан они подарили швейную машинку.

– Ну, это уж слишком, – попыталась возразить она, пробегая пальцами по блестящему металлу.

Но леди Тортон от возражений отмахнулась.

– Она у экономки в комнате без дела стояла, – сообщила она. – За столько лет ни разу никому не понадобилась. Надеюсь, рабочая – но если вдруг нет, может статься, вам удастся её починить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.